

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

ВДОВА
ВАМПИРА
И
НАСЛЕДНИК
НОЧИ

Александр Витальев

Вдова вампира и наследник ночи

«Автор»

2026

Витальев А.

Вдова вампира и наследник ночи / А. Витальев — «Автор»,
2026

После гибели мужа-вампира Селена Вард остается с ночной аптекой, долгами и запечатанным архивом крови, который обещает назвать имя убийцы в обмен на верное противоядие. Законным наследником рода объявляется холодный ночной судья Адриан Нор, сводный брат погибшего, и он уверен, что Селена подделала завещание ради дома и денег работников. Селена отказывается отдать аптеку и соглашается варить зелья для суда, чтобы выкупить правду по капле. Каждый новый флакон сближает их сильнее, чем она готова признать, но первая же правда из архива делает Адриана соучастником тех, кого он поклялся судить. Сможет ли вдова лечить того, кто однажды может потребовать ее кровь как цену за наследство.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Ключ от кухни	12
Глава 3. Печать на ладони	19
Глава 4. Общий обед	25
Глава 5. Письмо из архива	31
Глава 6. Долг в книге	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Витальев

Вдова вампира и наследник ночи

Глава 1. Письмо на столе

К полуночи аптека пахла сушеной мятой, камнем и чужим дыханием.

Я стояла за стойкой и считала флаконы. Тридцать два пузырька сонного настоя, девять склянок противоядия от дневной лихорадки, четыре пустых места в ряду, которые я отмечала ногтем на столешнице. Каждая пустая ячейка означала долг. Подмастерье Брони уже спал в подсобке, свернувшись на узкой лавке, как кот у теплой печки. Тиса Вард стирала кровь с занавески в задней комнате, и я слышала, как вода в тазу звучит слишком громко.

Под стойкой лежала книга записей. Цифры в ней не сходились: долг мужа перед нотариусом Нора был на восемь золотых тяжелее, чем все, что осталось в наследстве. Без нового контракта с судом я не выплачу жалованье Тисе до первого заказа, а Брони обязан будет уйти к другому мастеру.

В дверь постучали. Не в парадную, а в служебную. Три коротких удара, пауза, еще один. Так стучал только один человек в этом квартале.

Я не двинулась с места.

Дверь открылась сама. На пороге стоял Адриан Нор в мантии ночного судьи, и мокрый снег лежал у него на плечах, как чужой мех. В руке он держал запечатанное письмо. Печать на сургуче была моей, точнее, мужа, которую я уже год не видела ни на одном конверте.

- Запри лавку, - сказал он. - Это касается подвала.

- Подвал запечатан, - ответила я. Голос у меня всегда становился ниже, когда я злилась по-настоящему. - Печать покойного. Без меня она обращается в прах, и ты это знаешь.

Он положил письмо на стойку, рядом с моими флаконами.

- Корона ночи требует открыть архив крови. Дело о гибели моего брата не закрыто. Без твоей подписи я не войду в подвал один.

Я посмотрела на письмо, потом на его руки. На правой перчатке, у самой костяшки, темнело пятно.

- Ты пришел ко мне как судья или как его брат?

- Как наследник. И как тот, кто не хочет, чтобы род Нор развалили из-за фальшивого завещания.

Я вытерла руки о фартук. На ткани остался зеленый след от противоядия. Протянула руку над стойкой, развернула письмо, прочитала первую строчку. Подпись внизу была подделана так грубо, что я узнала руку нотариуса Нора, но не его почерк.

- Это не его рука.

- Я знаю.

- Тогда зачем ты принес мне фальшивку?

- Потому что настоящее письмо у дяди. И он собирается войти в подвал первым.

Тиса вышла из задней комнаты, вытирая руки. Посмотрела на него, на меня, отступила к стене. Я видела, как она сжала край занавески.

- Что ты предлагаешь? - спросила я.

- Сделку. Я варю первый флакон для суда на твоей стойке, под твоим контролем. Ты открываешь мне подвал, но остаешься в комнате как хозяйка. В обмен я пью твою кровь из чаши свидетеля.

Чаша свидетеля. Я знала, что это значит: после его глотка он услышит мою ложь, мой страх, мою вину за смерть мужа. И я услышу его. Связь продержится не меньше недели.

- Ты просишь меня впустить в мой дом человека, который считает меня убийцей его брата, и пить мою кровь из его чаши?

- Я не считаю тебя убийцей. Я считаю, что ты знаешь больше, чем говоришь.

Это было слишком близко к правде. У меня свело челюсть.

Я посмотрела на Тиса, на спящего Брони, на пустые ячейки в ряду флаконов. Потом на письмо с чужой печатью, и на пятно у него на перчатке.

- Сядь, - сказала я. - Иними перчатку. Я хочу видеть, чья это кровь.

Он сел. Снял перчатку. Кожа на костяшке была содрана, и под ней проступал старый, уже почти заживший укус. Не его укус.

- Лена Сойк, - сказала я. - Она приходила ко мне вчера за противоядием, и у нее кровоточили десны. Ты был у нее.

Адриан не отвел глаз.

- Она давала показания по делу, - сказал он. - Я не имею права обсуждать свидетелей.

- Тогда мы не обсудим ничего. Сделка будет такой. Ты варишь флакон под моим контролем, я открываю подвал. Но сначала ты пьешь мою кровь из чаши свидетеля здесь, при Тисе. И клянешься, что без меня не войдешь в подвал.

Он кивнул.

Я достала чашу из-под стойки. Тяжелую, медную, с выбитым именем рода Вард на боку. Протянула ему серебряный нож для печатей. Он взял нож, посмотрел на меня, и я впервые увидела в его глазах что-то кроме холода. Там стояла усталость, которую я слишком хорошо знала.

- Ты боишься, - сказал он. - Не меня. Того, что я услышу.

- Вари, - ответила я. - И не читай мне мою кровь, пока я сама не разрешу.

Я закатала рукав выше локтя и перевязала запястье чистой лентой. Тиса Вард стояла у стены и сжимала край занавески так, что белели костяшки. Брони заворочался в подсобке, но не проснулся.

- Подойди ближе, - сказала я. - Я не буду кричать через всю лавку.

Он подошел. Встал за стойкой, как хозяин, а не как гость, и это меня задело сильнее, чем следовало. Я толкнула к нему медную чашу.

- Поднеси к моему запястью. Один глоток. До дна.

Он взял чашу левой рукой, правой придержал мою ладонь. Пальцы у него были холодные, и я почувствовала, как он это знает, поэтому не сжимает сильнее, чем нужно.

- Смотри только в медь. Не на меня.

Лезвие прошло по коже неглубоко. Кровь потекла тонкой струйкой, темная от моих трав и плохого сна. Чаша звякнула, когда первая капля ударила в дно.

- Клянусь именем рода, - сказал он, - что без тебя не войду в подвал дома Вард и не вскрою печать твоего мужа. Что первое имя из архива услышу только в твоём присутствии. И что равную кровь верну до рассвета.

Он выпил одним долгим глотком, не отрываясь, и я видела, как двигаются мышцы у него на горле. Потом поставил чашу на стойку. Глаза у него потемнели. Связь легла: теперь он слышит мою ложь, а я - его, пока он не отдаст равную кровь.

- Теперь флакон, - сказала я и сама удивилась, что голос у меня ровный.

Я достала чистый пузырек, положила ступку, пестик, мешочек с сушеным корнем сонной травы. Это было мое лучшее противоядие от ночного яда.

- Тиса, - позвала я, не оборачиваясь. - Сядь у двери. Если он сделает что-то не так, не вмешивайся. Просто смотри.

Тиса пересела на табурет у служебного выхода. Я увидела в ее глазах то, что мне было нужно: упрямство.

- Сначала корень, - велела я. - Три меры. Не больше и не меньше. Воду из кувшина, не из бочки.

Он взял пестик. Я заметила, как неловко он держит его в правой руке.

- Тише. Ты не ступку держишь, а лекарство делаешь.

Он замер, посмотрел на меня. В этом взгляде было что-то новое: он смотрел на мои руки, на запястье с порезанной кожей, и я не могла понять, что именно он там ищет.

- Дальше вода. Медленно. Капля за каплей.

Он наклонил кувшин, и в ступку потекла тонкая струйка. Запах сонной травы ударил в воздух.

- Этого хватит.

Он остановил кувшин. Перемешал, как я показала, и настой стал темно-зеленым. Я протянула ему пустую склянку.

- Перелей. Осторожно. Пробка слева.

Он перелил. Ни одной капли мимо. Пробку закрыл ровно, и я услышала сухой щелчок стекла.

В тот же миг в подвале что-то отозвалось. Негромко, как будто звякнула бутылка на дальней полке. Я почувствовала это пятками, через половицы.

- Готово, - сказала я. - Теперь вниз.

Я сняла ключ с шеи, положила на стойку. Медный, теплый от моей кожи, с насечкой, которую знала только я и мой покойный муж.

- Бери, - сказала я. - Без меня не войдешь. Условие.

Он взял ключ. Пальцы у него дрогнули. У вампира, поняла я, есть страх, который он не может спрятать даже голосом.

- Идем, - сказала я Тисе. - Останешься здесь. Брони не будить. Если вернусь до рассвета, закроешь лавку.

Тиса кивнула. Я перекинула фартук через руку, подхватила фонарь и пошла к двери в подвал.

Адриан Нор шел на полшага позади. У лестницы я остановилась, достала из кармана вторую ленту, перевязала запястье поверх пореза.

- С этого момента ты слышишь меня, а я слышу тебя. Если соврешь, я узнаю.

Его дыхание сбилось на полсекунды. Значит, связь уже работала.

Я толкнула дверь и шагнула в темноту первой.

Лестница пахла камнем и старой медью. Мне было четыре, когда отец впервые привел меня в подвал этого дома, и с тех пор каждая третья ступенька скрипела одинаково. Сейчас они молчали под моими ногами.

Я спустилась первой. Фонарь бросал рваный свет на стены, и тени от склянок в стеллажах сливались в одну полосу. Адриан Нор шел за мной, и я слышала его дыхание ровно над моим плечом.

- Не наступай на четвертую, - сказала я. - Там сгнила половица, провалишься в старый сток.

Он переступил.

В подвале пахло сухой кровью, запечатанной в воске.

- Стой здесь, - велела я и поставила фонарь на край стола. - Не трогай ничего, пока я не скажу.

Он остановился. Смотрел, как я обхожу стеллаж, как снимаю с верхней полки пыльную тряпку, как достаю связку ключей, которую муж носил на поясе до самой смерти. Я специально делала все медленно.

- Здесь тридцать две склянки. По одной на каждого, кто входил в этот дом за тридцать лет. Чтобы прочесть имя, нужно правильно сваренное противоядие. Неверное - и имя сгорает навсегда.

Он понял. Я увидела, как он чуть прищурился и перевел взгляд на нижнюю полку.

- Что сейчас?

Я достала из-под стола чистую ступку, высыпала в нее остатки корня сонной травы. Подошла к стеллажу, выбрала склянку с желтой печатью и сняла ее обеими руками. Внутри плескалась темная капля.

- Страница первая. Ночной стражник. Он дежурил у наших дверей в ночь, когда мужа нашли мертвым.

Поставила склянку на стол.

- Если мы сварим противоядие правильно, она отзовется именем того, кто принес яд в дом. Если ошибемся - имя сгорит.

Я слышала, как он сглотнул. Его страх доходил до меня короткими волнами.

- Я буду мерить. Ты сыпешь. Ни больше, ни меньше.

Он встал рядом, и его плечо оказалось почти у моего. Я переложила ступку подальше вправо.

- Корень. Полторы меры.

Он взял ложку, зачерпнул.

- Хватит. Теперь вода.

Вода в кувшине была холодная, родниковая, я сама набирала утром. Я поднесла кувшин к ступке, наклонила. Капля за каплей.

Он стоял слишком близко. Я чувствовала тепло его руки возле своей, хотя он меня не касался. От него пахло мокрой шерстью, чужим дневным парфюмом и металлом - я опознала запах собственной крови на его губах.

- Еще каплю.

Он наклонил кувшин, и капля упала ровно в центр. Я перемешала, поднесла ступку к склянке. Темно-зеленая жидкость потекла по стеклу, и воск на печати пошел трещинами.

Я отступила на шаг.

Внутри склянки вспыхнул короткий синий огонь, и я услышала имя. Не ушами, а затылком.

- Кто? - спросил Адриан.

Я посмотрела на него. Его лицо было белым.

- Йонас Крейн. Ночной инспектор городской стражи. Он был здесь в ту ночь и вошел в дом раньше, чем его позвали.

Значит, мой муж выпил зелье из чужих рук не случайно. Значит, стражник, которого я считала союзником, оказался первым звеном.

Адриан сделал шаг ко мне и остановился. Его рука дернулась, словно он хотел коснуться моего плеча, но не решился.

- Это первый, - сказала я. - Не последний.

Я отступила от стола. Ноги вдруг стали чужими. Первый глоток из архива забрал у меня один спокойный вдох, и теперь сердце колотилось у самого горла.

- Не подходи, - сказала я.

Он и не подходил. Его страх доходил до меня как низкий гул. Его страх за меня, поняла я через секунду.

Я подошла к стеллажу и сняла с верхней полки жестяную коробку из-под сухих трав. Внутри лежал чистый лист пергамента, перо, чернильница.

- Диктуй. Что Йонас Крейн делал в доме в ту ночь, с кем говорил, во сколько ушел. Все. Если соврешь, я узнаю по чернилам. Он у меня этим пером не пишет.

Адриан сделал шаг вперед. Я видела, как его тень на полу подошла ближе, остановилась, снова отступила.

- Крейн был на дежурстве с восьмью, - сказал он наконец. Голос был сухой. - Ушел в четыре утра, за час до того, как твоего мужа нашли в кабинете. По его рапорту, в дом входил только он.

Я записала. Рука не дрожала, хотя пальцы были холодные.

- Входил один. А ты уверен, что он не приводил кого-то с собой?

Я подняла голову и встретила с ним взглядом.

- Уверен, - сказал он.

Связь подтвердила его слова раньше, чем он их договорил. Правда, чистая, без примеси.

- Значит, есть второй. Тот, кого он не вписал в рапорт. Тот, кого он провел мимо двери под собственной печатью.

Я поставила перо и впервые за долгое время посмотрела на него прямо. У него на скуле была тонкая царапина, уже подсохшая. Я не стала спрашивать, откуда.

- Условие. Я варю и открываю имена. Ты платишь за каждое противоядие, которое мне для этого нужно. Травы редкие, вода из ночного колодца, воск, уголь. Список я дам. Завтра утром Брони понесет реестр в нотариальную контору, там его зарегистрируют как часть расходов следствия. Это будет первая бумага, которую ты подпишешь в моем доме как должник, а не как судья.

Ему это не нравилось. Ему нужно было право входить сюда бесплатно, по ритуалу, по крови. А я только что поставила ему счет.

- Второе условие. Я буду варить одна. Ты стоишь рядом, смотришь, не касаешься. Если связь позволяет тебе чувствовать мою усталость, тем лучше. Значит, ты сам увидишь, когда мне нужно остановиться.

Я подошла к нему на шаг, потому что иначе он бы не услышал.

- Третье условие. Если в архиве всплывет твое имя, ты не приказываешь мне замолчать. Ты даешь мне варить дальше. И если окажется, что в ту ночь в доме был ты, я узнаю это из склянки, а не из твоих уверток. Договорились?

Он молчал ровно три удара сердца. Я считала.

- Договорились, - сказал он наконец.

Я отступила к столу, забрала лист и свернула в трубку. Подписала внизу своим аптекарским знаком: две пересеченные змеи и капля. Подала ему перо.

- Подпиши. Здесь. Под датой.

Он взял перо. Наши пальцы не соприкоснулись, но расстояние между ними было такое, что связь снова дернулась. Он подписал. Поставил дату, поставил маленьким штампом печать рода Нор.

Теперь это не договор судьи с аптекаршей. Это сделка двух равных, в которой я первый раз за три месяца диктую цену.

- Завтра в полночь, - сказала я и забрала лист. - Я варю следующее имя. Если хочешь быть здесь, приходи один, без свиты, без клинков. Стукнешь в дверь кухни три раза, я открою.

Поднимаясь на второй этаж, я услышала, как за стойкой звякнул колокольчик. Не парадный, служебный, на тонкой пружинке, которую я сама заводила каждое утро. В такое время никто не ходит через служебную дверь. Никто, кроме совсем отчаянных.

Я остановилась на середине лестницы и прислушалась. Шагов в кухне не было, только дыхание Брони из подсобки и тихий плеск воды в тазу у Тиси. Значит, дверь открыл Адриан. Он сидел за столом, куда я убрала пергамент с его подписью и штампом рода. Я знала, что он откроет, и знала, что именно он увидит: под пергаментом лежала вторая страница, тонкая, исписанная моей рукой еще до полуночи. Три вопроса, которые я не задала вслух.

Я поднялась на три ступеньки выше, чтобы он не услышал, и села на подоконник площадки. Из этого окна видна была крыша соседнего дома и верх трубы трактира. Половина третьего ночи. К рассвету у меня ляжет седина на висках, но об этом я подумаю утром.

Сейчас главное — колокольчик.

Я спустилась. Не через кухню, а черным ходом, узкой лестницей мимо подсобки, и вошла в прихожую с парадной стороны. У двери стояла Лена Сойк. Без плаща, в одной ночной кофте, волосы убраны под косынку, на щеке свежий синяк. Она сжимала в кулаке мокрую тряпку, из-под которой сочилась кровь.

— Вард, — сказала она, и голос у нее был тонкий, как у ребенка. — У меня не хватит. На четвертый раз не хватит. Я думала, дотяну до полножалования, но он пришел сегодня.

Она никогда не называла его имени. И я не спрашивала. Это был ее позор, и он стоил ей ровно столько, сколько стоила моя сонная трава.

— Показывай, — сказала я.

В подсобке, пока я грела воду и доставала чистый холст, Лена рассказала. Бывший хозяин пришел к ней после заката, не один, с двумя подручными. Стучал в дверь черного хода, чтобы соседи не слышали. Лена выходила через крышу, с третьего этажа по пожарной лестнице, но сегодня лестница была мокрая, и она съехала по черепице на два этажа. Расцарапала спину, повредила ребро. — Левое, — сказала она, откидывая кофту. — Тут горит.

Под ребром расплывалось темное пятно. Я положила ладонь на кожу, закрыла глаза. Ни жара, ни холодного пота. Просто ушиб, без перелома. Слава ночному кварталу.

Брони, проснувшийся от моего голоса, грел воду на спиртовке. Я достала с полки жестянку с шалфеем, отсыпала горсть, залила горячей водой, добавила каплю масла иссопа. Когда пар дошел до моего лица, Лена вздрогнула и перестала дышать. Через минуту отпустило. Она посмотрела на меня виновато.

— Вард, у меня только четыре серебряных. И те за квартиру за три месяца. Я отработаю, я буду приходить к открытию и мыть ступени, я...

— Сядь, — сказала я.

Я умею считать в уме до сорока серебряных с тремя детьми и арендой. Я не умею считать, когда человек плачет у меня на лавке, но этому меня научил муж.

Адриан стоял в дверях. Я не слышала, как он поднялся. Серый рукав рубашки закатан, повязка на левой ладони сбилась, и на холсте проступило маленькое красное пятно. Он смотрел не на Лену, а на меня, и я знала, о чем он думает. Через связь из первой крови он чувствовал все: мою усталость, мой страх за ребро, мою злость на то, что я снова не могу удержать свой квартал.

— У тебя дрожат руки, — сказал он.

— Убери повязку, — ответила я. — Я сначала перевяжу тебя, потом ее.

Он не двинулся. Тогда я сама подошла, сняла его повязку, бросила в таз, размотала новый кусок холста. Рана подсохла, края стянулись тонкой розовой корочкой. Медный след погас. Я промокнула родниковой водой, приложила чистый холст, перевязала аккуратно, раз-два, узел на тыльной стороне ладони. Закончила, подняла глаза.

— Двенадцать серебряных за двойной сбор, — сказала я. — Ты подписал расписку как должник. Заплати ей за лечение, и мы в расчете за этот месяц.

Он достал монеты без звука. Отсчитал двенадцать, положил на край лавки рядом с Леной. Лена посмотрела на серебро, потом на меня, и я покачала головой.

— Это не мне. Это за твою спину и за мою работу. Расписку напишешь мне, долг аптеке, срок месяц, печать рода Нор.

Я повернулась к ней и положила ладонь ей на лоб. Лихорадки не было. Просто шок и ссадина. Я промыла рану настойкой ивовой коры, наложила холст с полынью, обвязала ребро

широким бинтом, чтобы дышала неглубоко. Лена дышала правильно, поднимая плечи, — значит, ребро цело.

Брони принес из подсобки одеяло. Лену я уложила на лавку, где раньше спал он сам, наказала лежать до полудня.

— Где Ольгер? — спросила я.

— На кухне, под столом, — сказал Брони. — Он там с восьми вечера. Я ему хлеба с сыром отнес.

Я пошла на кухню. Ольгер сидел под столом, обхватив колени, и не плакал. Он никогда не плакал при мне громко, только один раз, у лавки Йонаса, и то отвернувшись. Я села на пол рядом и подождала, пока он заговорит первым. Это было его правило, которое я выучила за неделю.

— Там кровь, — сказал он наконец. — На перилах. На верхней ступеньке. Он приходил, когда вы в подвале были.

Я посмотрела на него. Он смотрел в ответ и был похож на Адриана в двенадцать лет, каким я его видела на портрете в гостиной: те же скулы, та же манера держать спину, будто проглотил линейку.

— Спасибо, — сказала я. — Пойдем покажешь.

Он вылез из-под стола, и я взяла его за руку. Рука у него была холодная, тонкая, с мозолью от ножа. У двери он остановился и снова посмотрел на меня.

— Адриан не уйдет? — спросил. Он никогда не называл его дядей.

— Нет, — сказала я. — Пока я не велю.

Он кивнул. Считал это достаточным ответом.

Мы поднялись на площадку. На верхней ступеньке, на перилах, было мазок чем-то темным. Не кровь. Чернила. Тот же оттенок, что в записке, которую Марек сунул под дверь утром. Я взяла у Ольгера чистую тряпку, смочила в родниковой воде, промокнула, завернула, спрятала в карман фартука. Потом сфотографировала в голове: правый край перил, внешняя сторона, на уровне плеча взрослого мужчины. Если он поднимался, то опирался.

Я спустилась вниз. Адриан стоял у двери в подсобку, где на лавке спала Лена. Серебро исчезло. В руках у него была записка, та самая, обведенная красными чернилами.

— Двенадцать, — сказал он. — Это много за один ушиб.

— Это много за то, чтобы она не умерла на моей лавке, — ответила я. — А ты бы откуда знал цену ушиба, Нор. Ты ночной судья, ты не считаешь кровь.

Он промолчал. Я подошла ближе и отобрала у него записку. Сложила, убрала в жестянку из-под шалфея, поверх расписки.

— Завтра в полночь, — повторила я. — И если ты приведешь хоть одного стражника, клянусь именем мужа, я закрою подвал навсегда.

Он кивнул. Я поднялась к себе наверх, заперла дверь на засов, цепочку и ручку от метлы. Заснула, не раздеваясь, с ключом от подвала в кулаке.

Я вышла из-за стола и пошла к лестнице. У третьей ступеньки остановилась, потому что пол качнулся под ногами, и мне нужно было держаться за стену. Цена за первое имя давала о себе знать: к утру у меня ляжет седина на висках.

Я не обернулась. Но я знала, что он смотрит мне вслед, и что связь тянет его за мной, как нитка из собственной крови. И я знала, что завтра он придет. Ему нужно знать, всплывет ли в архиве его собственное имя.

И мне тоже.

Глава 2. Ключ от кухни

Я прижимала к бедру ключ от подсобки и считала ступеньки до кухни. Двенадцать. Скрип на девятой, темное пятно на перилах у седьмой, запах прогоревшего жира на четвертой. Кухонная дверь была прикрыта неплотно, и через щель тянуло чужими духами - сладкими, медовыми, из тех, что не покупают в ночном квартале. Внутри разговаривали. Мужской голос и женский, негромко, по-книжному.

Я толкнула дверь плечом и вошла. Адриан Нор стоял у плиты, без мантии, в темной рубашке с закатанными рукавами. Рядом, в кресле для гостей, сидела Кира Тен - новая невеста рода Нор - и держала на коленях мою аптечную книгу.

- Доброго утра, - сказала я. - Книга запретная. Положи.

Кира улыбнулась мягко, как учат в дневных пансионах.

- Я просто смотрела рецепт успокоительного. У меня от вашего чая сердце замирает.

- Сердце у вас замирает от моего чая потому, что вы его не пили, - ответила я и забрала книгу. - А посмотреть рецепт можно в лавке, днем, при свидетеле.

Адриан не двинулся с места. Только повернул голову и посмотрел на мои руки, а не на лицо, и от этого хотелось отвернуться.

- Селена, - сказал он. - У нас разговор. О ключах.

Я положила книгу на стол и села напротив. Между нами стояла миска с остывшей кашей, которую кто-то забыл убрать.

- У меня в подсобке, - сказала я, - тридцать два флакона с кровью, пять неподписанных заказов и печать покойного мужа. Ключ от этой комнаты - единственное, что стоит между аптекой и обыском. Я его не отдам.

- Я не прошу ключ, - ответил он. - Я прошу присягу.

Тишина в кухне стала плотной. Кира перестала улыбаться. Адриан достал из-за пояса серебряную чашу - ту самую, чашу свидетеля - и поставил на стол.

- По закону ночного квартала, - сказал он, его голос был сухой и юридически точный, - любой спор между вдовой и наследником решается присягой кровью до следующего полнолуния. Если кто-то из нас солжет другому в этом сроке, второй почувствует. Не словами. Телом.

- Я не подписывалась под вашими законами, - сказала я. - Я аптекарь.

- Вы - временная собственность короны ночи, - ответил он. - Пока печать мужа не вскрыта. А значит, закон короны на вас распространяется. Хотите проверить в суде?

Я молчала. Он был прав, и мы оба это знали. Без печати я не хозяйка аптеки, а хранительница чужого имущества, и каждое утро начинается с унижения.

- Кровь, - повторила я. - Моя?

- И моя, - сказал он. - По глотку в чашу, при свидетеле. Свидетель - нотариус Нора. Он уже в прихожей.

- А если я откажусь?

- Тогда ключ от подсобки передается мне, как наследнику, до решения суда. Я могу войти в любой момент. Вы это знаете.

Кира тихо встала и пошла к двери. У порога она остановилась и посмотрела на меня.

- Не бойтесь, - сказала она. - Это же просто чаша. Подумаешь.

- Выйдите, - сказала я.

Она вышла. Я осталась наедине с Адрианом, с миской остывшей каши, с чашей на столе и с запахом медовых духов, которые теперь мешались с запахом лекарственных трав у меня на руках.

- Зачем вам это? - спросила я. - Реальная причина.

Он сел напротив, и впервые я увидела, как у него дрогнули пальцы на краю чаши.

- Потому что я не доверяю вам, - сказал он. - И вам не доверяю себе. Если мы оба будем знать ложь друг друга, мы хотя бы не будем тратить время на игры.

- А если я варю не по рецепту? Если я ошибаюсь?

- Тогда вы это почувствуете, - ответил он. - Как почувствую я, если совру.

Я достала из-за пояса флакон с чистой спиртовой настойкой, смочила ею лезвие скальпеля и протерла свои пальцы. Потом его. Он не отстранился. Я полоснула по подушечке большого пальца - неглубоко, по старому аптекарскому обычаю. Капля упала в чашу. Я протянула руку.

Он взял мою руку, помедлил и тоже полоснул свой палец. Его кровь пахла железом и холодной полынью.

Нотариус Нора вошел, поставил на стол чернильницу и перо, развернул лист с золотым тиснением. Я подписала первой. Адриан - вторым.

- Присяга кровью, - сказал нотариус, - вступает с этого часа. Срок - до следующего полнолуния. Любая ложь между вами в этот срок будет чувствоваться как холод в костях. Способ отмены один - равная кровь, выпитая в присутствии свидетеля.

Он ушел. Мы остались. Я почувствовала, как что-то тонкое и невидимое обвилось вокруг запястья - не боль, а знание, что теперь есть человек, который знает обо мне больше, чем я сама хочу показывать.

Адриан убрал чашу, встал, одернул рукава.

- Ключ, - сказала я.

- Ключ ваш, - ответил он. - До полнолуния. Но я буду приходить.

- Зачем?

- Потому что теперь я обязан знать, что вы варите и для кого. По закону. И по присяге.

Он вышел. Я сидела над миской с остывшей кашей, прижимала ключ к груди и впервые за долгое время чувствовала, что в доме стало на одного человека больше. На одного, кто теперь знает, когда я вру.

- Доброго утра, - сказала я. - Книга запретная. Положи.

Кира улыбнулась мягко, как учат в дневных пансионах.

- Я просто смотрела рецепт успокоительного. У меня от вашего чая сердце замирает.

- Селена, - сказал он. - У нас разговор. О ключах.

- Я не прошу ключ, - ответил он. - Я прошу присягу.

- Я не подписывалась под вашими законами, - сказала я. - Я аптекарь.

- Кровь, - повторила я. - Моя?

- А если я откажусь?

Кира тихо встала и пошла к двери. У порога она остановилась и посмотрела на меня.

- Не бойтесь, - сказала она. - Это же просто чаша. Подумаешь.

- Выйдите, - сказала я.

- Зачем вам это? - спросила я. - Реальная причина.

Он сел напротив, и впервые я увидела, как у него дрогнули пальцы на краю чаши.

- А если я варю не по рецепту? Если я ошибаюсь?

- Тогда вы это почувствуете, - ответил он. - Как почувствую я, если совру.

Я достала из кармана флакон с чистой спиртовой настойкой, смочила ею лезвие скальпеля и протерла свои пальцы. Потом его. Он не отстранился. Я полоснула по подушечке большого пальца - неглубоко, по старому аптекарскому обычаю. Капля упала в чашу. Я протянула руку.

Адриан убрал чашу, встал, одернул рукава.

- Ключ, - сказала я.

- Ключ ваш, - ответил он. - До полнолуния. Но я буду приходить.

- Зачем?

В подсобке пахло сушеной ромашкой и кровью. Тридцать два флакона стояли на нижней полке, каждый с моей меткой - дата, имя, цвет. Самый старый был Йонаса Крейна, ночного инспектора. Самый новый - Киры, с утренней каплей, которую я сняла с края чаши, пока она не видела. Я привыкла собирать кровь гостей, как пчела собирает пыльцу - на всякий случай.

Скрипнула дверь. Я спрятала флакон с кровью Киры за спину. Тиса Вард, моя младшая сестра, вошла босиком, в ночной рубашке, с растрепанными волосами.

- Ты чего не спишь? - спросила она.

- Считаю, - ответила я. - Долг до полнолуния. Если наследник не подпишет мой контракт на поставку, я не выплачу тебе жалованье за две недели.

Тиса посмотрела на меня тем взглядом, которым смотрят на старшую сестру, когда хотят сказать что-то важное, но боятся.

- Селена, - сказала она. - Он был здесь, да? Ночью?

- Утром, - поправила я. - Разница есть.

- А Кира?

- И Кира.

Тиса села на табурет у стола и обхватила колени руками. Ей недавно исполнилось пятнадцать, и она уже видела слишком много для своих лет.

- Она его невеста, - сказала Тиса. - Я слышала в дневном квартале. Объявили на прошлой неделе.

- Я знаю.

- И что теперь?

- Теперь я варю зелья и выплачиваю долг. А он подписывает бумаги и не лезет в мою подсобку. Так мы оба выживаем.

Тиса посмотрела на мою руку - ту, которой я подписывала присягу. На большом пальце темнел порез.

- Селена, - сказала она, - это ведь не просто порез.

- Это просто порез, - ответила я. - Иди спать.

Она ушла. Я осталась одна среди флаконов и запаха трав, и впервые за много дней у меня не было сил считать. Не из-за усталости - из-за того, что я почувствовала, как дрожь прошла по запястью. Не моя. Чужая. Адриан где-то в доме соврал - может быть, нотариусу, может быть, себе. И я это знала.

Холод в костях оказался правдой. К завтрашнему утру мне нужно было решить, что с этим знанием делать. Спрятать или использовать. Забыть или записать.

Я выбрала записать. В книгу, которая лежала на верхней полке, под замком. Книга долгов, куда я вносила не только аптекарские счета, но и чужие тайны. Сегодня там появилась новая строка: "Адриан Нор. Ложь. Полнолуние. Присяга кровью."

За окном занимался рассвет, серый и холодный. Где-то в доме пахло кашей и чужими духами. А я сидела, прижимала ключ к груди и ждала, когда придет следующий, кто захочет войти.

Утро пришло запахом холодного железа и остывшей каши. Я сидела за столом в подсобке, перед книгой долгов, и впервые за долгое время мне не хотелось открывать дверь. На полке рядом стояли тридцать два флакона - моя тихая армия свидетелей, каждый с моей меткой, с датой, с цветом. Самый старый - Йонаса Крейна, ночного инспектора, который первым переступил порог аптеки после похорон. Самый новый - Киры Тен, с утренней каплей, которую я сняла с края чаши, пока она отвернулась.

Порез на большом пальце ныл. Холод в костях, обещанный нотариусом, не отпускал - тонкое, невидимое кольцо вокруг запястья, которое знало обо мне больше, чем я сама хотела показывать. Адриан где-то в доме соврал нотариусу. Или себе. И я это чувствовала.

Шаги в коридоре - тяжелые, уверенные, с тем особым ритмом, который я уже узнавала по голосам. Не стражник. Не Тиса. Адриан.

Я закрыла книгу на ключ, спрятала ключ под фартук и встала. Дверь открылась раньше, чем я успела ответить на стук.

Он вошел без приглашения. Я не удивилась. Он всегда входил без приглашения, это было его право наследника, его привычка, его способ показать, что я здесь временная. На нем была та же темная куртка, что утром, но без перчаток. Пальцы - тонкие, белые, с чернильным пятном на среднем - выглядели усталыми.

- Рано, - сказала я, не утруждая себя приветствием.

- У вас на столе долговая книга, - ответил он, глядя не на меня, а на мои руки. - Сумма за поставку просрочена на шесть дней. Если вы не заплатите до полудня, инспектор Крейн закроет аптеку до решения суда.

- Откуда вам известно про мою книгу?

- Я был в прихожей, когда вы с нотариусом обсуждали сроки. И я знаю, что вы задолжали Тисе Вард жалование за две недели. И Брони за месяц.

Я сжала челюсть. Это было моей ошибкой - говорить при нем о деньгах так, словно он не слышит. Но я не думала, что он слушает. Оказывается, он всегда слушал.

- Присяга, - сказал он тише, словно про себя. - Я чувствую ложь. Но не цифры. Цифры - это факт, а не ложь.

Он подошел к столу, посмотрел на тридцать два флакона. Я не шевельнулась. Это была моя подсобка, моя территория, мой воздух. Если он тронет хоть один пузырек, я забуду, что он наследник и ночной судья.

- Не трогайте, - сказала я.

- Я не собираюсь, - ответил он. - У вас здесь кровь всех, кто входил в дом Вард за тридцать лет. Включая мою.

Я не спрашивала, откуда ему известно про архив мужа. Я знала. Он был ночным судьей, и каждый нотариус Нора знал про запечатанный подвал. Знал и молчал.

- Зачем вы пришли? - спросила я. - Реальная причина, а не про долг.

Он помолчал. Потом сел на табурет напротив, и впервые я увидела, как у него дрогнули плечи. Не от усталости. От чего-то другого.

- Потому что из-за присяги я чувствую вас, - сказал он. - Прямо сейчас. Чувствую, что вы не спали. Что вы считаете деньги. Что вы злитесь. Что вы боитесь. Не моего присутствия - моего знания о вас.

- И что вы хотите взамен?

- Ничего. Я пришел сказать, что до полнолуния я не войду в вашу подсобку без стука. И не трону ваши флаконы. Это не уступка, это правило. По присяге.

Я смотрела на него. Холод в костях не отпускал, и где-то под ложечкой шевельнулось странное - не благодарность, не доверие, а узнавание. Он впервые за два дня говорил со мной как с человеком, а не как с временной распорядительницей чужого имущества.

- Присяга, - сказала я. - Вы сказали, что чувствуете ложь. Но не цифры. И не правду. Только ложь. Это удобное правило для наследника.

- Удобное, - согласился он. - Но не честное. Я это знаю. Вы это теперь знаете. И до полнолуния я не смогу вам соврать без того, чтобы вы не почувствовали.

- А я вам.

- Да.

Тишина повисла между нами, и я впервые за много дней не хотела, чтобы кто-то вошел и прервал ее. Потом опомнилась. Он наследник. Он судья. Он пришел не за этим. Не за тем, чтобы сидеть напротив меня в моей подсобке и говорить правду.

- Если вы закончили, - сказала я, - у меня утренний заказ. Противоядие от сонного яда. Человек умирает.

Он встал, одернул рукава. У двери остановился.

- Селена, - сказал он. - Это ведь не просто порез.

Я не ответила. Он вышел. Запах холодной полыни и железа остался в подсобке, смешался с ромашкой, и я впервые поняла, что чувствую его кровь. Свою - тоже. Потому что теперь мы оба знаем, когда врем.

Я достала с верхней полки чистый флакон и поставила его рядом с теми тридцатью двумя, что стояли в ряд. Пробка застряла, пальцы скользнули, и порез на большом пальце снова открылся. Капля упала на столешницу - густая, темная, пахнущая железом и ромашкой. Моя кровь. В моей подсобке, на моем столе, против моей воли - уже улика.

Я слизнула порез и пошла к котлу. Противоядие от сонного яда ждать не могло - Лена Сойк прислала мальчишку с запиской в шесть утра, и мальчишка был белый, как бумага, на которой писал. Мужчина, которого она прятала на чердаке, не просыпался уже третьи сутки. Яд редкий, дневной, в ночном квартале его не достать, а я его варила дважды и знала рецептуру наизусть.

Котел был медный, старый, с выщербиной на боку, которую я так и не заделала. Полынь, корень петрушки, толченая кора ясеня, три капли уксуса из дневной лавки. Я мешала медленно, считая вдохи. На семнадцатом вдохе дверь открылась снова.

- Я же сказала - не сейчас, - бросила я, не оборачиваясь.

- Это не Адриан, - ответил голос Тиса. - Это я. И я не одна.

Тиса вошла, за ней - Йонас Крейн, ночной инспектор, в форме и с печатью на груди. Вид у него был не служебный. Вид был такой, с каким приходят, когда нужно забрать что-то ценное.

- Селена Вард, - сказал он официально, - у меня предписание нотариуса Нора осмотреть подсобку аптекаря и опись имущества в связи с долгом перед родом.

- Долг, - повторила я. - Какой долг? У меня нет долга перед родом. У меня долг перед поставщиком.

- Речь о жалованье Тисе Вард и Брони, - сказал он. - Шесть дней просрочки. По уставу ночного квартала, при невыплате жалованья подмастерьям аптека переходит под опись короны ночи. До решения суда.

Я мешала зелье. Руки не дрожали, потому что дрожать было нельзя. Котел на огне, противоядие на семнадцатом вдохе, человек на чердаке у Лены умирает, а инспектор стоит у моего стола и смотрит на мои флаконы.

- У меня двадцать минут, - сказала я. - Зелье сварится. Я пойду с вами к нотариусу и заплачу. Шесть дней - это сколько?

- Шестнадцать серебряных, - сказал Йонас.

- У меня в кассе четырнадцать, - сказала я. - Остальное - после утреннего заказа.

- Селена, - сказал он тише, и я услышала, как он опустил формальный голос. - У меня жена просит. Не лезть. Но я не могу не прийти, потому что предписание подписано Марек Дольем, а Марек Доль - казначей рода.

Я кивнула. Сняла котел с огня, процедила зелье в склянку через полотняную тряпицу. Сорок одна капля. Противоядие было готово. Я запечатала горлышко воском, поставила метку - число, час, имя Лены на полоске бумаги - и протянула склянку Тисе.

- Отнеси на чердак, - сказала я. - Там мужчина. Три капли под язык, через четверть часа еще три. Если очнется - пусть пьет воду. Если нет - беги обратно.

Тиса взяла склянку и вышла, не оглядываясь. Брони, который сидел в углу и молча сортировал сушеную кору, поднялся и пошел за ней. Я осталась с Йонасом и четырнадцатью серебряными в кассе.

- Идем, - сказала я.

Нотариус Нор, пожилой вампир с красными от бессонницы глазами, сидел в прихожей за маленьким столом. На столе лежала моя долговая книга - открытая, на странице, где я вчера вписала новую строку про Адриана. Я похолодела.

- Это не долг, - быстро сказала я. - Это памятка.

- Памятка, - повторил нотариус и перевернул страницу. Там, под строкой про Адриана, лежал чистый лист, а на нем - отпечаток пальца. Не моего. Адрианова.

- Кровь попала на страницу случайно, - сказала я.

- Случайно, - согласился нотариус. - Как и то, что вы открыли подсобку ночью, и никто этого не видел. И то, что вы варите противоядия по заказу людей, которые прячутся от ночного квартала.

- Я варю противоядия всем, кто приходит.

- Именно, - сказал нотариус. - Поэтому Марек Доля подал жалобу в корону ночи. Не на долг. На то, что вы используете аптеку для укрывательства. Подмастерье Тису вы уже послали к Лене Сойк. Это видели.

Я поняла. Кто-то следил за Тиса от самой двери. Кто-то из людей Марека. И теперь у Марека было два рычага: долг, который я не могла заплатить, и жалоба, по которой аптеку могли закрыть до суда. Я положила четырнадцать серебряных на стол.

- Остальные два я принесу к вечеру.

- К вечеру, - повторил нотариус. - Но предписание об описи уже подписано. Йонас, начинайте.

Йонас вошел в подсобку, и я пошла за ним. Он снимал с полок банки, записывал названия, и я смотрела, как мимо него проходят мои травы, мои порошки, мой воздух. На тридцать второй банке он остановился.

- Это чья кровь? - спросил он.

- Моя, - сказала я. - И всех, кто входил в дом за тридцать лет.

- Это нужно показать суду, - сказал Йонас.

- Суду, - повторила я. - Или Мареку Долю?

Йонас не ответил. Он закрыл банку и поставил обратно. Я выдохнула. В коридоре слышались шаги - тяжелые, уверенные, и я поняла, что вернулся Адриан. Он вошел в подсобку, посмотрел на Йонаса, на банки, на меня.

- Что здесь происходит? - спросил он.

- Опись, - сказал Йонас. - Предписание нотариуса.

- По жалобе Марека Доля? - спросил Адриан.

- Да, - сказал Йонас.

Адриан подошел к столу, взял мою долговую книгу и перевернул на страницу с памяткой про себя. Он посмотрел на отпечаток своего пальца, посмотрел на меня, и я впервые увидела, как он улыбнулся. Не насмешливо. Почти виновато.

- Присяга, - сказал он. - Мы оба теперь должны хранить эту страницу.

- Никто не должен хранить, - сказал Йонас. - Эта страница - доказательство.

- Доказательство чего? - спросил Адриан. - Что я оставил кровь в доме сестры моего брата? Это не преступление. Это кровная связь.

Я смотрела на него и не могла понять, почему он это говорит. Почему он закрывает меня перед нотариусом. Почему он назвал меня сестрой.

- Опись отменяется, - сказал Адриан. - Я, как наследник рода, беру долг аптеки на себя. Шестнадцать серебряных, плюс пеня. Плачу сейчас.

Он положил на стол кошелек. Я слышала, как звякнуло серебро. Йонас взял кошелек, пересчитал, кивнул. Нотариус в прихожей записал что-то в реестр.

- Вы должны понимать, что это не конец, - сказал Йонас мне на пороге. - Жалоба остается. Суд будет.

- Суд будет, - повторила я.

Адриан остался в подсобке. Я закрыла дверь, повернула ключ. Пальцы у меня дрожали, и я впервые за два дня не могла их унять.

- Зачем? - спросила я.

- Потому что до полнолуния я не могу вам соврать, - сказал он. - И потому что у Марека есть свой интерес. Он хочет, чтобы вы закрылись до того, как откроется архив крови. Я это знаю. Теперь и вы знаете.

- А вы? - спросила я. - Что вы хотите от архива?

Он посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я раньше не видела. Не наследник. Не судья. Усталый мужчина, который пришел к костру и не знает, можно ли ему греться.

- Я хочу знать, кто убил моего брата, - сказал он. - И я хочу, чтобы это знание не убило вас.

Он вышел. Я стояла у стола, сжимала ключ от подсобки и чувствовала его кровь в своих костях. Свою - тоже. Потому что теперь мы оба знали, что между нами не может быть ни лжи, ни молчания. Только правда, которая жжет.

За стеной хлопнула дверь. Я пошла к двери - отпирать. Это могла быть Тиса. Это мог быть кто угодно.

Глава 3. Печать на ладони

Книга долгов лежала на стойке раскрытой, и я водила по странице пальцем, считая серебро. Шестнадцать должны мы, из них четырнадцать в кассе. Два серебряных до первого заказа, иначе Брони уйдет к другому мастеру, а Тиса вернется в дневной квартал к родичам, которые давно присмотрели ей жениха. Я перевернула страницу. Адриан Нор, ночной судья и наследник рода, поставил вчера отпечаток пальца рядом с моей памяткой. Под памяткой я подвела черту и написала: «Отказано в сверхурочных услугах без оплаты по реестру». Чернила еще блестели.

В подсобке пахло сушеной мятой и скипидаром. Я подвинула к себе жестяную коробку из-под трав, достала пергамент и начала выписывать долг по графе «подвал». Котлы, тридцать две склянки с кровью, две треснувшие полки, медный замок, который я чинила сама. Против графы «заработная плата» я поставила ноль — Брони получил расчет вчера. Против «Тиса» тоже ноль, но мелко приписала: «кормить за счет аптеки до конца месяца». Если дядя мужа доберется до денег раньше суда, младшая сестра останется без жалованья и без крыши.

В дверь постучали — два коротких удара, не его. Так стучит поставщик из ночного квартала, когда привозит корни и уголь.

— Открыто, — сказала я, не поднимая головы.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Марек Доль, управляющий и казначей рода, в чистой темной куртке и с кожаной папкой под мышкой. За ним — Йонас Крейн, ночной инспектор, с казенной печатью на груди.

— Селена Вард, — начал Доль голосом, каким зачитывают опись имущества, — корона ночи требует от вас отчет по хранению запрещенных составов. Вот предписание.

Он положил на стойку лист с гербовой сургучом. Я не взяла его, посмотрела на Йонаса. Тот чуть качнул головой — не в его пользу эта бумага, но и против не пойдет.

— Какие составы? — спросила я ровно. — У меня аптека, а не лавка отравителя.

— Архив крови, — ответил Доль. — Тридцать две склянки без лицензии ночного хранения. По реестру короны вы обязаны либо передать их в коронную лабораторию, либо вскрыть при свидетелях и уничтожить содержимое.

Я медленно закрыла книгу долгов. Под пальцами остался мокрый след от чернил — я задела ими строку. Сердце стукнуло тяжело и глухо, как кулак в подушку.

— Передать или уничтожить, — повторила я. — А третьего варианта реестр не предусматривает?

— Не для вдовы без наследника, — сказал Доль. — Вы временная хранительница, Селена Вард. Право подписи у вас только на лекарства. Архив — имущество рода.

Йонас кашлянул.

— Печать мужа, — сказала я, и собственный голос мне не понравился: слишком тихий, слишком ровный. — Архив запечатан печатью покойного Варда. Без наследника и вдовы одновременно я не имею права его трогать. И вы не имеете.

Доль разжал губы в улыбку, какой улыбаются чужому ребенку.

— Печать, Селена Вард, можно вскрыть решением суда. Корона ночи такое решение вынесет сегодня после заката. Если вы откроете архив сами и передадите его содержимое, суд ограничится штрафом. Если нет — описью дома и арестом подмастерьев.

В подсобке стало очень тихо. Где-то в глубине аптеки Брони ронял склянки — он всегда ронял, когда нервничал. За стеной скрипнула половица: Тиса подслушивала, конечно.

Я положила ладонь на книгу долгов. Под ладонью была строка про Адриана Нора. Он ночной судья. Если он сейчас войдет, он либо поддержит Доля, либо сломает ему шею бумагой. Я не знала, чего хотела больше.

— У вас час, — сказал Доль, складывая руки на папке. — После заката придут приставы. Я бы на вашем месте сварил что-нибудь простое, чтобы склянки заговорили. Вы ведь это умеете.

Йонас посмотрел мне в глаза и едва заметно кивнул на дверь в подсобку. Он хотел сказать: уходи, пока есть время. Я не ушла.

— Передайте суду, — сказала я, — что вдова Вард будет ждать гостей с чашей свидетеля. И без подписи наследника в подвал не войдет ни один пристав. Это не моя прихоть. Это закон.

Доль прищурился.

— Адриан Нор, — я впервые произнесла его имя вслух при постороннем и почувствовала, как кольнуло в виске, там, где от присяги остался холод, — ночной судья и наследник рода. Я предлагаю ему войти в подвал вместе со мной сегодня после заката. Если он откажется — это его право. Но без него вы не получите ни одной склянки.

Доль побледнел. Он не ожидал, что я знаю процедуру. Я сама не ожидала, что выучу ее за одну ночь, когда варила для Адриана первый флакон.

— Вы делаете ошибку, Селена Вард.

— Я делаю свою работу, — ответила я и закрыла книгу долгов обеими руками. — А вы передайте короне ночи: час — слишком мало. Мне нужен вечер.

Я не ушла сразу. Сначала сняла фартук с зеленым следом, повесила на гвоздь у двери, потом достала из-под прилавка ключ от подсобки — мой, медный, с личной насечкой — и надела на шею поверх шнурка с пустой ладанкой. Холодный металл привычно лег между ключиц. Тиса выскользнула из-за стены и встала у стеллажа, делая вид, что перебирает сухие травы. У нее дрожали пальцы, и она роняла мяту на пол, но я не стала делать ей замечание. Пусть роняет. Главное, чтобы не плакала при чужих.

— Брони, — позвала я, — закрой ставни на первом этаже. Никого не впускай без моего слова.

Брони появился из-за стеллажа с глиняной миской в руках. Он был бледнее обычного, но глаза горели тем мальчишеским упрямством, каким горят глаза у подмастерьев, когда им впервые доверяют настоящее дело.

— Мастер, — сказал он, — у нас остался корень кровохлебки. Полфунта. Хватит на один флакон.

— Хватит, — ответила я. — Поставь чайник. Мне нужен будет кипяток через четверть часа.

Тиса кашлянула.

— Я слышала, — сказала она тихо. — Они сказали «передать или уничтожить». Они не сказали «вскрыть при вдове и наследнике».

— Они не сказали, потому что думали, что я не знаю, — ответила я. — А я знаю.

Я поднялась в кухню через черный ход. Кухня была маленькая, с низким потолком и тяжелой плитой, которую муж чинил каждую зиму, а я так и не научилась. На столе лежал недоеденный хлеб и пустая чашка из-под его утреннего отвара. Я поставила чашку в раковину, протерла стол и положила перед собой долговую книгу.

Шестнадцать должны мы, из них четырнадцать в кассе. Это было вчера. Сегодня утром Адриан Нор, ночной судья и наследник рода, оплатил шестнадцать серебряных из собственного кармана, отменил предписание об описи и назвал меня сестрой брата перед Йонасом Крейном и нотариусом. Этого я не знала, когда писала строку «отказано в сверхурочных услугах». Я зачеркнула строку, но оставила пометку карандашом: «оплачено Норм, подтверждено нотариусом, ждать расписку». Расписки пока не было. Нотариус обещал прислать с вечерним курьером.

Я должна была работать. Не вспоминать его лицо, когда он смотрел, как я зашиваю Тисе порез, и не вспоминать, как от него пахло чужими духами — Кира Тен стояла рядом утром,

слишком близко, с книгой мужа в руках. Я отобрала книгу. Я выставила ее. Я сделала свою работу.

В дверь постучали. Два коротких удара, как у нотариуса. Я встала, одернула передник.
— Открыто.

На пороге стоял нотариус Нор, сухой старик в темном сюртуке, с кожаной папкой и связкой ключей на поясе. За ним — мальчик лет двенадцати в серой куртке, слишком большой для его плеч. Ольгер Нор, племянник погибшего мужа, оставленный на пороге аптеки с запиской, в которой было сказано, что без согласия вдовы его нельзя вернуть в дом рода. Я знала его в лицо, но не знала по имени, пока Тиса не прочла записку вслух.

— Селена Вард, — сказал нотариус. — Корона ночи прислала курьера с предписанием. Я обязан вручить при свидетеле.

Он положил на стол бумагу. Я не взяла ее, прочла через его плечо. Тот же гербовый сургуч, та же подпись управляющего казначейством. Под предписанием стояла вторая подпись, мелкая и аккуратная: «Марек Доль, по доверенности рода Нор». А ниже, третьей строкой, другими чернилами, торопливо: «Кира Тен, свидетель».

Я медленно выпрямилась.

— Свидетель чего? — спросила я. — Свидетель того, что вдова Вард прячет кровь в подвале? Или свидетель того, что невеста наследника уже распоряжается имуществом рода, которое ей не принадлежит?

Нотариус не ответил. Ольгер стоял за его спиной и смотрел на меня. У него были глаза мужа — светлые, внимательные, слишком взрослые для двенадцати лет.

— Мне нужна подпись наследника, — сказала я, — или открывайте подвал сами. Без Адриана Нора вы не войдете. Я это уже сказала вашему управляющему час назад. Повторять не стану.

Нотариус собрал бумагу.

— Вы делаете ошибку, Селена Вард. Корона ночи не любит, когда ей указывают на процедуру.

— Я не указываю, — ответила я. — Я ее соблюдаю.

Он ушел. Ольгер задержался в дверях.

— Тетя Селена, — сказал он тихо. — Дядя Адриан велел передать, что будет к закату. Он не сказал зачем. Он сказал, что вы поймете.

Я кивнула. Мальчик ушел. Я закрыла дверь на ключ, прислонилась к ней спиной и почувствовала, как холодок от присяги кольнул в виске. Адриан Нор знал. Он знал, что Марек Доль подаст жалобу. Он знал, что корона пошлет предписание. Он придет к закату, потому что сегодня последний вечер перед полнолунием, и у него нет выбора, и у меня нет выбора, и мы оба это понимаем.

Я вернулась к столу, открыла долговую книгу и выписала отдельной графой: «архив крови, тридцать две склянки, оценка для суда — ноль, рыночная цена — ноль, рабочая цена — жизнь». Закрыла книгу. Положила ладонь на кожаный переплет.

Под ладонью была строка про Адриана Нора. Я зачеркнула ее. Под строкой написала: «не должник. Соучастник». Подумала и приписала ниже: «возможно, свидетель».

За стеной Брони уронил последнюю склянку с мятой. Я вздрогнула, но не встала. Пусть роняет. У нас есть время до заката, и есть корень кровохлебки, и есть тридцать две склянки, которые ждут не дождутся, когда я наконец сварю для них правду.

Я встала, сняла фартук с гвоздя, снова надела. Руки пахли скипидаром и мятой. Я потеряла их друг о друга, чтобы согреть, и пошла к плите. Чайник уже начал посвистывать.

Я сняла чайник с плиты и плеснула кипятком в жестяную миску, где уже лежал нарезанный корень кровохлебки. Запах пошел терпкий, медный, как мокрая земля после грозы. Этот запах

я узнаю из любого сорока трав — он остается на пальцах до утра и не смывается простой водой. Брони, услышав плеск, заглянул в кухню и замер у двери.

— Мастер, — сказал он осторожно, — вы варите противоядие, а не лекарство. У нас нет заказа.

— У нас есть предписание короны, — ответила я, не оборачиваясь. — В предписании сказано «вскрыть или уничтожить». Я выбираю третье: вскрыть на своих условиях.

Брони сглотнул. Он стоял с миской мягого стекла в руках, и я видела, как под кожей у него бьется жилка на виске. Ему было семнадцать, и он впервые видел, как мастер готовится к чему-то большему, чем ночной заказ от ночного квартала. Я дала ему задание, чтобы он не мешал.

— Возьми лист из реестра, — сказала я. — Выпиши: «противоядие от сонного яда, сорок одна капля, по заказу суда, оплата нотариальной конторой». Поставь дату. Подпись пока не ставь.

Он ушел. Я достала с полки сухую мяту, шалфей и три капли смолы с капельницы — все, что у меня оставалось от зимнего запаса. Корень кровохлебки уже потемнел в кипятке. Я слила первый настой в глиняную чашку и поднесла к лицу. Пар был горячий, и в нем я уловила то, что искала: постороннюю ноту, тонкую, как паутинка. Запах был не от корня. Он был от того, кто сорвал этот корень — или от того, кто держал его в руках до меня. Запах чужого страха.

Я отставила чашку. Вытерла руки о фартук и пошла к окну. На подоконнике стояла склянка с пометкой «К.», которую Тиса нашла утром в подсобке, за плинтусом. Капля крови на стенке. Кира Тен была в аптеке раньше меня. Возможно, этой ночью. Возможно, прошлой. Склянка пахла чужими духами — теми же, что я слышала утром, когда Кира стояла слишком близко.

Я спрятала склянку в карман. Холодное стекло легло к бедру, и я почувствовала, как присяга кольнула в виске глуше, но настойчивее. Адриан Нор был где-то в городе, и его ложь тянулась ко мне тонкой ниткой, как паутинка в настое. Я не знала, что он скрывает сейчас. Я знала, что он скрывает.

В дверь постучали снова. На этот раз — три удара, ровных, без паузы. Так стучат люди, которые имеют право входить без спроса.

Я вытерла руки, подошла к двери и открыла.

На пороге стоял Адриан Нор. Без мантии, в простой серой рубашке с закатанными рукавами, в рабочих перчатках, которые он снял и сунул в карман. У него было лицо человека, который не спал двое суток и больше не притворяется, что ему все равно.

— Долг оплачен, — сказал он вместо приветствия. — Предписание об описи отменено. Расписка нотариуса у меня. Я принес ее сам, потому что курьер сказал, что вы не пускаете чужих в подсобку.

Я не взяла расписку.

— Войдите, — сказала я. — Только руки вымойте. У меня на плите настой, и я не хочу, чтобы в него попало что-то чужое.

Он прошел в кухню. Сел на табурет у стены, не спрашивая разрешения. Снял перчатки, положил на колени. Я стояла у плиты, и между нами была тяжелая чугунная плита, на которой дымилась чашка с корнем.

— Вы варите, — сказал он тихо. — Я чую кровохлебку. Зачем?

— Потому что у меня тридцать две склянки, — ответила я, не поворачиваясь. — И одна из них — ваша. Та, которую вы оставили в доме в ту ночь, когда погиб мой муж.

Тишина за моей спиной стала другой. Я почувствовала присягу — она кольнула в костях, холодная и точная, как игла. Он не соврал. Он и не сказал правды. Он молчал, и это молчание стоило ему больше, чем любое признание.

Я обернулась. Он сидел неподвижно, и на скулах у него ходили желваки.

— Я не убивал его, — сказал он наконец.

— Я знаю, — ответила я. — Иначе бы вы не пришли за распиской лично. Убийцы не оплачивают долги вдовы.

Он поднял голову. В глазах у него было то, чего я не видела утром: усталость, растерянность и что-то похожее на облегчение от того, что я назвала вещи своими именами.

— Я был в доме, — сказал он. — Я приходил к нему за печатью. Мы поссорились. Я ушел. Он был жив.

Я поставила чашку на стол. Скрестила руки на груди.

— Поссорились из-за чего?

— Из-за вас, — ответил он просто. — Он сказал, что хочет оставить аптеку вам. Я сказал, что это нарушит условия завещания рода. Он не согласился.

Молчание. За стеной Брони уронил что-то тяжелое, и звук прокатился по кухне медным эхом.

— Значит, он умер из-за аптеки, — сказала я. — И из-за вашей ссоры.

— Да, — ответил он. — И из-за моего молчания. Я не сказал следователю, что был там.

Я села напротив. Между нами стояла чашка с корнем, от которой поднимался пар. Я смотрела на его руки, лежавшие на коленях. Они были большие, со старыми мозолями от меча, и я впервые подумала, что эти руки никогда не держали мою плиту и никогда не будут.

— Расписка, — сказала я.

Он молча положил бумагу на стол. Я взяла ее, прочла, спрятала в карман — туда же, где уже лежала склянка с чужой кровью.

— Теперь уходите, — сказала я. — Мне нужно варить. А вы сегодня уже сделали для меня слишком много.

Я вымыла руки в три приема, как учил муж. Сначала холодной водой, чтобы закрыть поры. Потом горячей с мылом, чтобы смыть жир. Потом снова холодной, чтобы кровь не прилиwała к подушечкам. Пальцы пахли скипидаром и мятой, и я старалась не думать о том, как этот же запах, наверное, остается на его перчатках, когда он сжимает чужие руки в подвалах нотариальной конторы.

За стеной Брони возился с реестром. Я слышала, как он шепчет названия трав, выводя их пером. Он всегда шепчет, когда боится ошибиться. Сегодня он боялся особенно сильно, потому что впервые в жизни выписывал расход, который оплатит суд, а не ночной покупатель.

Я достала с верхней полки вторую склянку. На ней стояла моя пометка «А.Н.», и я знала, что это его кровь. Я не сварила бы на ней правду сегодня — тело после утреннего флакона гудело, как пустой котел, — но я могла показать ему, что она у меня есть. И что я выбираю, когда ее вскрыть.

Дверь в кухню открылась без стука. Я знала, что это он, еще до того, как обернулась. Присяга тянулась в висках тонкой медной ниткой, и я чувствовала, что он вошел без чужой лжи за спиной. Он пришел один. Это было редкостью.

— Вы забыли сказать «разрешите», — сказала я, не оборачиваясь.

— Я стучал, — ответил он от порога. — Два раза. Брони сказал, что вы не слышите, когда варите.

Я обернулась. Он стоял у двери в той же серой рубашке, без мантии, и руки у него были пустые. Никакой расписки. Никакого пергамента. Только он сам и его усталые глаза, которые смотрели на склянку в моих руках так, словно я держала змею.

— Я принес не то, что вы ждете, — сказал он тихо. — Я принес то, что вы не просили.

Он сделал шаг в кухню и положил на край стола маленький жестяной коробок. Внутри лежали сухие корни — кровохлебка, но не моя. Его. Из его личного запаса, который он привез из-за границы, когда вернулся на похороны брата. Я узнала их по цвету: снаружи они были

черные, как уголь, а на сломе — белые, как мел. Такие корни стоили дороже серебра, и о них не писали в нотариальных реестрах.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы вы не варили на своих остатках, — ответил он. — Я знаю, что у вас кончилась зимняя крова хлеба. Я слышал, как Брони жаловался Тисе, что полки пустые. У меня есть. Возьмите.

Я смотрела на коробок и чувствовала, как присяга холодит скулы. Он не лгал. Он действительно хотел помочь. Но помочь мне сварить его же кровь — это была не помощь. Это была попытка войти в мой котел на своих условиях. Я подняла склянку «А.Н.» и показала ему.

— Это ваша кровь, — сказала я. — Она в моем подвале. Если я сварю на вашем корне, я буду должна вам не только долг, но и правду. А я не хочу быть вам должна за траву.

Он сглотнул. Я видела, как кадык дернулся под воротом. Он понял. Я не отказалась от его помощи. Я отказалась от его условий.

— Тогда продайте мне свои корни, — сказал он сухо. — Я куплю столько, сколько вам нужно для работы. Цену назовите сами.

— Цена, — повторила я, — будет такая: вы не входите в мою подсобку без стука. Не трогайте мои склянки без спроса. И когда я сварю противоядие для суда, вы покупаете его у меня по реестру гильдии, а не по реестру нотариуса. И расписку за него получаю я, а не нотариальная контора.

Он молчал. Я видела, как он считает в уме. Я знала, что он считает. Слишком много условий для простой продажи корней. Слишком много власти для вдовы, которая не платит за свет.

— Реестр гильдии, — повторил он наконец. — У вас нет гильдейской печати. Вы не в цехе.

— У меня будет, — ответила я. — Как только я выплачу долг мужа, я подам прошение. А вы подпишете его как свидетель с моей стороны, а не со стороны нотариуса.

Он смотрел на меня, и я впервые увидела, как его лицо меняется. Не злость. Не уступка. Что-то вроде узнавания. Он понял, что я не продаю ему корни. Я покупаю у него право называть свою цену. И он не может мне отказать, потому что он сам принес эту траву мне, а не нотариусу.

— Я согласен, — сказал он. — Только корни я оставлю сейчас. Не продавать. Они просто будут лежать на вашей полке.

Я кивнула. Он выложил корни из коробка в жестяную банку на полке, и они легли рядом с моими — черные рядом с моими, серыми от времени. Он вымыл руки в той же чашке, в которой я мыла свои. Потом вытер их о полотенце, которое я повесила утром. Потом встал у двери.

— Я приду завтра за реестром, — сказал он. — И за подписью под вашим прошением. В котором часу вам удобно?

Я посмотрела на чашку с его корнями. Они уже начали пахнуть — терпко, медленно, как чужая правда.

— В десять, — сказала я. — Когда Брони закончит выписывать расход. И когда вы принесете мне чистую бумагу. Не из канцелярии нотариуса. Из своей.

Он кивнул. Я видела, что он хочет сказать что-то еще. Я видела, как его пальцы сжались на дверной ручке, и присяга кольнула меня в виске холодной иглой. Он не лгал. Он боялся. И впервые этот страх был не за себя.

— В десять, — повторил он и вышел, не оборачиваясь.

Я закрыла дверь на ключ. Подошла к плите. Сняла крышку с чашки, в которой остывал настой. Пар ушел, и настой потемнел. Я достала из кармана склянку с чужой кровью, поставила рядом с банкой его корней и долго смотрела на них обоих. Две правды. Две цены. И десять часов до того момента, когда я смогу назвать свою.

Глава 4. Общий обед

Тяжелый котел с двойным дном опустился на плиту с тем же стуком, что и три ночи назад, когда я варила первое противоядие для Йонаса. Медный ключ от подвала лежал у меня на груди под рубашкой, и металл привычно охлаждал ключицу, пока я набирала в ковш родниковой воды из ночного колодца. В подсобке пахло сушеной мятой, можжевельной корой и немного лавандой, которую Брони рассыпал вчера, перебирая мешки. Сорок один пузырек стоял на нижней полке, и один из них, с каплей крови Киры Тен, я переставила на верхнюю полку за час до рассвета, чтобы он не попался под руку Адриану, если он снова решит войти без стука.

— Брони, — я позвала, не оборачиваясь, потому что знала, что он сидит на табурете у стены и сортирует пузырьки по размеру горлышка, — принеси чистую марлю и три ложки сухой полыни. У нас раненый.

Он встал так быстро, что табурет скрипнул. Брони всегда боялся раненых, но боялся показать этот страх, и поэтому двигался еще старательнее, чем обычно. Я слышала, как он достает марлю из жестяной коробки, как роняет ложку и поднимает ее, и знала, что через минуту он принесет все, что я просила, и добавит четвертую ложку про запас, потому что так его научил мой муж.

Шаг в дверях был его. Адриан вошел без стука, как обещал не делать, и я почувствовала, как медный ключ на моей груди стал теплее, словно кровь под ним вспомнила присягу и поднялась к горлу. Это всегда так теперь: когда он рядом и говорит неправду, у меня ноет правое запястье; когда он рядом и молчит, у меня ноет левое плечо. Сейчас он молчал, и плечо отозвалось тупой, тягучей болью, как перед дождем.

Я не повернулась. Я сняла ковш с плиты и поставила его на каменный стол, потому что вода в нем закипела раньше, чем нужно, и если бы я промедлила, полынь потеряла бы горечь, а горечь в этом отваре держала рану открытой, чтобы я могла видеть, как яд выходит из плоти.

— У тебя раненый, — сказал он.

Это не был вопрос. Это была проверка, и я знала, откуда она: жалоба Марека Доля лежала у него в кармане вместе со штампом печати рода Нор, и он считал, что обязан знать, кого я лечу и чем.

— У меня раненый, — я наконец обернулась, потому что отвар требовал моего внимания, а не его взгляда. — Это тебя не касается. Ты ночной судья, а не ночной лекарь, и до полнолуния ты не имеешь права трогать мои флаконы.

Он стоял у двери, и в утреннем свете, который здесь всегда казался одолженным, его лицо выглядело так, словно он не спал две ночи. У него в глазах была та усталость, которую я видела у мужа перед рассветом, когда он возвращался из дневного квартала и не мог подняться по лестнице без помощи. Адриан не просил помощи. Он просто стоял и ждал, когда я нарежу марлю, и в этом ожидании было что-то почтительное, чего я от него не ожидала.

Брони вернулся с марлей и тремя ложками полыни, и четвертую положил на край стола, как всегда. Адриан посторонился, давая ему пройти, и Брони так испугался этого жеста, что просыпал половину полыни на пол. Я ничего не сказала. Я взяла марлю, опустила ее в горячий отвар и почувствовала, как мои пальцы вспоминают рану, которую я вчера перевязывала, и чужую кровь, которая все еще держалась под ногтями.

— Кто ранен? — спросил Адриан, и его голос стал тише, и я поняла, что он заметил марлю и больше не спрашивает, чтобы знать. Он спрашивает, потому что не знает.

Я подняла голову. У двери стоял Йонас Крейн с перевязанной рукой, и повязка уже пропиталась кровью, и кровь была не простая, а та, что пахла сонной травой. Я узнала этот запах. Я варила этот запах три ночи назад, когда открывала первую склянку в подвале и платила за имя Йонаса слабостью в ногах.

— Ольгер, — сказал Йонас, и его голос звучал так, словно он привык сообщать плохие новости, и я перестала смотреть на Адриана и повернулась к двери.

— Неси его сюда, — сказала я. — Быстро. И позови Тису. У нас кровь с ядом.

Йонас исчез, и через минуту в дверях появился Ольгер, двенадцатилетний племянник мужа, бледный, с перевязанной рукой, и Тиса держала его за плечи, и на ее лице был такой страх, что я сама испугалась, и это было хорошо, потому что страх заставляет руки работать быстрее, чем усталость.

Я разрезала повязку. Рана была глубокой, и яд в ней был тем самым сонным ядом, который я уже варила, и я поняла, что кто-то из ночного квартала подсыпал его ребенку, чтобы ребенок не дожил до утра и не рассказал, что он видел в доме мужа в ту ночь. У меня в кармане фартука лежала записка, которую я утром вынула из-под половицы в подвале, и в записке было сказано: "Дядя вернулся. Он не один".

— Тиса, — сказала я, — свари такой же отвар, как вчера, тридцать капель, не больше. Брони, принеси чистый флакон. Адриан, — я впервые назвала его по имени при посторонних, и мой голос звучал ровно, как в аптекарской книге, — ты заплатишь за каждую каплю по реестру. Сейчас. При Тисе и Йонасе.

Он не ответил. Он положил на стол кошелек, и кошелек был тяжелый, и звон серебра был таким, что Брони вздрогнул, а Тиса посмотрела на меня так, словно хотела спросить, откуда у ночного судьи столько серебра для аптекарских счетов.

Я взяла кошелек и пересчитала деньги. Тридцать серебряных. Ровно столько, сколько стоил мой долг перед нотариусом, и я поняла, что он знал эту цифру, потому что вчера ночью у нотариуса Нора он видел долговую книгу и запомнил последнюю запись на моей странице, и теперь он платил не за отвар, а за мой долг, и этим делал меня должницей, и я должна была решить прямо сейчас, при Тисе и Брони, при Йонасе и при Ольгере, который смотрел на меня так, словно я была единственным человеком в этой комнате, который мог его спасти.

Я подняла голову и встретила его взгляд. Его пальцы лежали на столе рядом с кошельком, и я заметила, что на безымянном пальце у него нет кольца, и это было странно, потому что Кира Тен носила его кольцо на цепочке под платьем, и я видела эту цепочку вчера, когда она стояла у моей плиты с моей аптекарской книгой в руках.

— Нет, — сказала я и вернула ему кошелек. — Не так. По реестру, с подписью, с печатью, через нотариуса. Если ты платишь за меня, ты покупаешь меня. Если ты покупаешь меня, ты не увидишь, как я варю. А ты должен видеть.

Тиса вздрогнула. Йонас переступил с ноги на ногу. Ольгер закрыл глаза и прислонился к стене, и я знала, что у меня есть три минуты, чтобы решить, кто в этой комнате будет сегодня хозяином.

Тиса первая нашла флакон. Она поставила его на стол и придержала левой рукой, потому что стекло было мокрое от пара, и я увидела, как на ее запястье вздулась старая вена от усилия. Чистый флакон. Маленький. С аптекарским клеймом мужа.

Я разрезала повязку Ольгера до мяса. Рана была длинная, от запястья до локтя, и края у нее были серые, и серая эта была не от грязи, а от яда, потому что яд убивает кровь раньше, чем кровь успевает порозоветь. Ольгер не плакал. Он смотрел на меня так, словно я была единственным человеком в этой комнате, который мог его спасти, и эта ответственность легла мне на грудь тяжелее, чем медный ключ на цепочке.

Я взяла отвар. Полынь, чистая, без горечи, потому что я сняла ковш вовремя. Я полила рану, и Ольгер дернулся, и Тиса прижала его плечи к стене ладонью, и ладонь у нее была теплая, и это было хорошо, потому что холодные руки у испуганного ребенка пугают сильнее яда.

— Держи, — сказала я Брони, и он взял флакон, и я налила туда тридцать капель, как обещала. — Подпиши. Своим знаком. И отметь время. Это реестр.

Брони расписался. У него всегда был кривой почерк, потому что он учился у мужа только полгода, но подпись была его, и это было важнее красоты. Я взяла флакон и протянула его Адриану.

— Заплати через нотариуса, — сказала я. — По реестру. С печатью. Сейчас.

Он не двинулся. Он смотрел на мою руку, на порез от вчерашней присяги, который я заклеила полоской от бинта, и я почувствовала, как под полоской запульсировала кровь, словно она тоже его увидела. Он медленно достал из кармана кошелек. Не тот, тяжелый, который лежал на столе, а другой, плоский, кожаный, с тисненой буквой Н, и из него он вынул серебряную монету. Одну. И положил рядом с флаконом.

— По реестру, — сказал он тихо. — С печатью. Сейчас.

Он достал штамп печати рода Нор и прижал его к монете, и на серебре остался маленький оттиск, и я поняла, что он платит не как судья. Он платит как должник. Как человек, которому я только что вернула кошелек и этим сделала его равным себе, и равенство эта жгла ему руки сильнее, чем мне.

Я взяла монету. Серебро было холодным, и я почувствовала через металл его пульс, и пульс был ровный, и это значило, что он не лжет.

— Договор, — сказала я и посмотрела ему в глаза. — Ты мне должен за противоядие. Не я тебе. Запомни разницу.

Он кивнул. Молча. И я поняла, что эта молчанка стоила ему больше, чем те тридцать серебряных, которые он предлагал минутой раньше.

Я повернулась к Ольгеру. Рана уже розовела по краям, и серая полоса яда отступала, и я знала, что через час он будет спать, а через два сможет говорить. Я прижала чистую марлю к его руке и почувствовала, как под ней запульсировала его кровь, и она была уже не серой, а алой, и это была маленькая победа, которую я заработала своими руками, и никто мне ее не подарил.

— Кто это сделал? — спросила я тихо, не поднимая головы. — Кто подсыпал сонной травы?

Ольгер посмотрел на меня. Потом на Адриана. Потом снова на меня.

— Дядя, — сказал он. — Он приходил ночью. Он думал, что я сплю. Он искал что-то в подвале мужа.

Подвал мужа пах медной плесенью и старым деревом, и этот запах я узнала бы с закрытыми глазами, потому что три года приходила сюда за травами и думала, что худшее, что здесь может случиться, это сгнившая половица. Я стояла у стеллажа с кровью и смотрела, как Адриан держит в руках склянку с именем Йонаса Крейна, и эта склянка была первой, которую я вскрыла по правилам, и заплатила за нее утренней слабостью в ногах и тонкой седой прядью над левым ухом, которую заметила Тиса и молча прикрыла мне волосами. Дядя Ольгера искал в подвале что-то ночью, и ребенок это видел, и теперь я должна была решить, отдать ли мужу эту улику сразу или сначала спрятать под половицей и подождать, пока Йонас принесет мне второе имя, которое я не должна знать, но уже почти чувствовала костями, потому что связь крови после присяги работала в обе стороны и я физически ощущала его страх, когда он смотрел на склянку и не говорил мне, что в ней кроме имени.

Он поставил склянку обратно. Медленно, двумя руками, и стекло тихо звякнуло о дерево полки, и я заметила, что у него дрожали пальцы, и эта дрожь стоила мне больше, чем его вчерашнее молчание у нотариуса.

— Там, — сказала я и кивнула на верхнюю полку, где стояла жестяная коробка из-под сухих трав с пергаментом, пером и чернильницей. — Договор. Сейчас. Я пишу, ты подписываешь. Иначе ты не выйдешь отсюда с моей склянкой.

Он поднял на меня глаза. В подвале было сумрачно, и свет от фонаря лежал на его скулах косо, и я впервые увидела, что у него под глазами тени, и тени были не от недосыпа, а от той же вины, которая жила во мне с ночи похорон.

— Ты не имеешь права, — сказал он тихо, и голос был низкий, без приказа. — Я ночной судья. Мне не нужна твоя подпись, чтобы войти в дом моего брата.

— Именно поэтому она тебе нужна, — сказала я и пошла к коробке. — Потому что иначе я завтра напишу в гильдию аптекарей, что ночной судья Нор входил в запечатанный подвал без согласия вдовы и без протокола. И ты это знаешь.

Я достала пергамент. Руки у меня не дрожали, и я не знала, откуда эта ровность, потому что обычно я трясусь, когда злюсь по-настоящему, но сейчас злость была холодная, аптекарская, и пальцы писали сами.

Первое условие. Адриан Нор, ночной судья рода Нор, не входит в подвал дома Вард без Селены Вард и не открывает склянки архива без ее руки на замке. Второе. За каждое противоядие, сваренное для следствия, Адриан Нор платит по реестру аптеки через нотариуса, с печатью, с подписью. Третье. Связь крови через чашу свидетеля действует до полнолуния и снимается только равной кровью донора, и Адриан Нор обязан вернуть мою кровь до рассвета, иначе связь продержится не меньше недели и оба мы будем чувствовать ложь друг друга на расстоянии.

Я обмакнула перо и подвинула ему чернильницу. Он стоял у стеллажа и смотрел на пергамент, и я видела, как желвак ходит у него по скуле, и молчание было таким, что я слышала, как в дальнем углу подвала капает вода с гнилой половицы.

— Зачем третье, — спросил он наконец, и голос был ровный, без вопроса.

— Потому что иначе ты не вернешь мне кровь, — сказала я. — А я не хочу чувствовать твой страх еще неделю. Мне хватает своего.

Он взял перо. Подписал. Поставил маленькую печать рода Нор, и оттиск был четкий, и серебро в нем холодило мне глаза, потому что это была та же печать, которой он запечатывал конверты для нотариуса, и эта печать теперь лежала на моем договоре как его личное обещание.

Я свернула пергамент в трубку и положила за пояс, под фартук, и почувствовала, как бумага упирается мне в ребра, и это было правильно, потому что документ должен лежать у сердца, иначе он ничего не стоит.

Потом я спустилась с лестницы и сняла с верхней полки вторую склянку, ту самую, которую вчера не вскрывала, потому что ждала правильного противоядия. Склянка была мутная, с осадком, и я знала, что кровь в ней чужая, и эта чужая кровь была в моем подвале тридцать лет, и я не знала, кому она принадлежит, пока не поднесла склянку к фонарю и не увидела на стекле крошечную букву, процарапанную иглой. Д.

Я почувствовала, как пол под ногами стал мягким, и это была не гнилая половица, а та слабость, которая приходит после первого открытого имени и обещает к утру забрать месяц жизни, но я уже знала эту цену и была готова платить, потому что буква Д означала Доля, и Марек Доль был здесь, в доме моего мужа, задолго до того, как стал казначеем рода Нор.

Адриан стоял у стеллажа и не двигался, и я видела, что он тоже узнал букву, потому что связь крови работала в обе стороны, и его страх был теперь моим тоже.

Пол под ногами все еще был мягким, и я понимала, что это не гнилая половица, а та слабость, которую я уже знала и которая обещала забрать у меня месяц к утру. Я убрала склянку с буквой Д обратно на полку, потому что открывать ее сейчас было бы безумием, и я не имела права платить второй месяц жизни, пока первая седая прядь над ухом еще не высохла. Адриан стоял у стеллажа, не двигаясь, и я видела, как он смотрит на букву, процарапанную на стекле, и его страх через кровную связь оседал у меня под ребрами ледяной крошкой.

— Марек, — сказала я, и имя в подвале прозвучало слишком громко. — Марек Доль был здесь тридцать лет назад. И он здесь сейчас, и присяга у нотариуса не мешает ему писать жалобы в корону ночи.

Адриан медленно поднял на меня глаза.

— Я знаю, — сказал он, и голос был глухой. — Он вел расчеты моего брата. Я думал, он просто аккуратен.

— Он аккуратен, — сказала я. — Он аккуратен ровно настолько, чтобы его подделку не нашли сразу. Твой брат ему доверял. Я ему не доверяю.

Я взяла фонарь и пошла к лестнице, потому что подвал забирал у меня силы, и я хотела выйти на воздух до того, как ноги откажут совсем. Адриан пошел следом, и на гнилой половице он перешагнул первым и подал мне руку, и я взяла ее, потому что лестница была узкая и падать при свидетеле я не собиралась. Его пальцы были холодные и сухие, и присяга кровью отозвалась в моих костях коротким теплом, и я отдернула руку сразу, как ступила на твердое.

На кухне пахло остывшим хлебом и сонной травой, и это был запах моего дома, а не дома Нор, и я вцепилась в стойку обеими руками, чтобы не показать, как меня качает. Тиса уже грела воду для Лены, и Брони мыл склянки в углу, и оба делали вид, что не видели, как я вышла из подвала бледная и с новой седой прядью, потому что в аптеке не принято спрашивать хозяйку о цене, которую она платит за чужие тайны.

— Тиса, — сказала я, не повышая голоса. — Сядь. Мне нужно, чтобы ты слышала.

Она села на табурет, и Брони перестал мыть склянки и тоже сел, потому что в моей аптеке подмастерья слышат все, что касается дома. Адриан остался стоять у двери, и я не предложила ему сесть, и он не попросил.

— Марек Доль подал жалобу в корону ночи, — сказала я. — По укрывательству. Через аптеку. Жалоба остается, даже если долг оплачен.

Тиса стиснула мокрые руки в фартук. Брони побледнел.

— Это значит суд, — сказала Тиса. — Корона ночи вызовет тебя.

— Меня вызовут, — сказала я. — И его. И тебя. И Брони. Потому что аптека временно принадлежит короне, и любой ночной судья может войти в подвал без стука. Я это знаю. Ты это знаешь. Адриан это знает.

Я повернулась к нему. Он стоял у двери, и свет от фонаря падал ему на подбородок, и я впервые видела, как он не знает, что сказать, и это молчание стоило мне дороже, чем его вчерашняя подпись под договором.

— Ты войдешь в подвал со мной, — сказала я. — Не один. Не с Йонасом. Со мной. И каждый флакон, который мы вскроем, мы вскроем при Тисе и при нотариусе, чтобы Марек не мог сказать, что я прятала улики.

— Селена, — начал он, и голос был низкий, без приказа.

— Это не просьба, — сказала я. — Это условие. Ты хочешь знать, кто убил твоего брата. Я хочу сохранить аптеку. Если мы пойдем в суд порознь, Марек нас съест. Если пойдем вместе, у нас есть архив, договор и свидетели. Третьего я не предлагаю.

Тиса выпрямилась на табурете, и я видела, как у нее дрогнули пальцы, но она не сказала ни слова, потому что знала: когда я говорю таким голосом, спорить нельзя. Брони молча достал из-под стойки чистый пергамент и положил передо мной, и этот жест был единственным, что я могла сейчас принять без сопротивления.

Я взяла перо. Руки не дрожали.

— Пишу условия вскрытия архива при свидетелях, — сказала я. — Ты подпишешь сейчас. Иначе я завтра сама пойду в корону ночи и сдам жалобу Марек как ложный донос против аптеки, которая работает на ночной квартал. И тогда ни мне, ни тебе не нужна будет эта подпись.

Он подошел к стойке. Пальцы у него больше не дрожали, и я чувствовала через присягу, что страх в нем сменился чем-то похожим на ту холодную решимость, с которой он варил сонную траву вчера ночью, и это было лучше, чем его вчерашнее молчание.

Он взял перо и подписал. Печать рода Нор легла рядом с моим аптекарским знаком, и серебро в оттиске холодило мне глаза, и я знала, что эту бумагу я теперь буду носить у сердца вместе с первой.

Я положила пергамент за пояс, под фартук, и почувствовала, как две бумаги упираются мне в ребра с двух сторон, и это было почти смешно, потому что документов у меня уже было больше, чем здравого смысла, но без них меня завтра сожрут, и Тиса уйдет к родичам, и Брони уйдет к другому мастеру, и аптека закроется, и тогда ни архив, ни Марек, ни корона ночи мне больше не понадобятся.

— Брони, — сказала я. — Отнеси реестр расходов нотариусу Нору. Сегодня. С подписью Адриана и его печатью. Чтобы было видно, что ночной судья платит за зелья следствия из своего кармана, а не из казны короны.

Брони кивнул, вытер руки и пошел к двери, и я заметила, что он обошел Адриана по стеночке, как обходят чужого мужчину в хозяйском доме, и это было правильно, потому что Брони был моим подмастерьем, а не его.

Тиса встала с табурета и пошла к плите, и молча поставила передо мной кружку с горьким отваром, который она варила для меня после каждой ночи в подвале, и я выпила, и горечь обожгла горло, и это было лучше, чем любое его слово.

Адриан стоял у двери и смотрел на меня, и я впервые за утро встретила его взгляд прямо, и в этом взгляде не было ни приказа, ни благодарности, ни той вчерашней растерянности, а было что-то похожее на признание того, что я только что сделала его должником при свидетелях, и он это знал, и я это знала, и Тиса это знала, и обратно это уже не развязать.

Глава 5. Письмо из архива

Нож не слушался. Клинок скрипнул по черенку, стружка скрутилась тонкой лентой и упала на пол, где уже лежали вчерашние опилки. Я перехватила рукоять, нащупала мозоль, прижала лезвие к расщепу и потянула к себе. Ложе для склянок в подсобке треснуло ночью само, без меня, без Адриана, без чьей-либо помощи. Только потому, что дерево в этой аптеке устало держать чужие секреты.

Дверь подсобки скрипнула. Я не обернулась. По шагу - Тиса, слишком короткий шаг, чтобы быть Брони, слишком быстрый, чтобы быть Адрианом.

- Селена, - сказала сестра, - у тебя руки трясутся.

- У меня руки работают.

Она поставила на верстак жестяную кружку с горячим отваром. Пар пах мятой и полынью - то, что я заваривала ей от ночных судорог. Я отложила нож и взяла кружку двумя руками, чтобы она не заметила, как мелко дрожат пальцы. Серебряная прядь над левым ухом уже не спрячется под косой. Тиса молчала, глядя на эту прядь.

- Я нашла вчера в подвале под половицей, - сказала она и положила на верстак смятый пергамент. - Записка. Твоим почерком не пахнет. Чужим.

Я развернула. Два слова, нацарапанных торопливо, с наклоном вправо, который я знала по долговой книге мужа. «Дядя вернулся. Он не один.» Почерк Киры Тен. Я знала его, потому что три года назад эта женщина расписывалась за поставку сушеной мяты из-за границы и роняла букву «д» вправо.

- Где сейчас Ольгер?

- У черного хода. Брони его учит перевязывать флаконы. Руки у мальчишки чистые, ни следа.

Я смяла пергамент в кулаке. Спрятала под фартук. Сожгу потом, когда не будет лишних глаз.

- Селена.

- Я слышала.

- Дядя - это дядя мужа?

- У моего мужа не было дяди. У него был брат, Адриан, который сейчас наверху пьет мой отвар и думает, что я ему верю. А дядя - это управляющий, Марек Доль. Или кто-то повыше, кого мы пока не знаем.

Тиса присела на корточки у верстака, подняла обрезок лезвия, повертела в пальцах.

- Если он здесь, ты не выйдешь одна за хлебом.

- Выйду. С Брони и Йонасом.

- Йонас Крейн вечером уходит на пост в порту.

- Значит, до его ухода.

Тиса кивнула. Кружка обжигала ладонь, но я не отставляла. Жар возвращал мне право голоса.

Я встала, затянула пояс с двумя пергаментами плотнее и пошла к лестнице в подвал. Одиннадцать ступеней, шестая сгнившая, я уже знала на память. Фонарь горел с ночи, фитиль оплыл, света хватало ровно на три верхние полки. На нижних склянки с кровью стояли в ряд, и вторая справа, помеченная «Д.», смотрела на меня мутным стеклом.

Буква «Д.». Марек Доль. Тот, кто вел расчеты мужа и подал жалобу в корону ночи по укрывательству через мою аптеку. Тот, чью подпись Адриан вчера признал как «аккуратную».

Я взяла фонарь, поднесла к склянке. Надпись «Д.» была процарапана чем-то острым, тонко, почти нежно. Надпись знала мое имя, я знала ее.

- Не сейчас, - сказала я вслух.

В склянке что-то дрогнуло. Капля крови, застывшая три года назад, шевельнулась, будто услышала мой голос. По руке прошла слабость, знакомая с прошлой ночи, когда я открыла первую склянку и заплатила за имя месяцем жизни и этой прядью седины. Вторую я не вскрою, пока не буду знать, зачем дядя вернулся.

Наверху хлопнула дверь. Я загасила фонарь пальцами, сунула в карман фартука. На лестнице стоял Адриан, без мантии, в темной рубашке с закатанными рукавами. Он смотрел на меня сверху, и я впервые увидела в его взгляде не приказ, а вопрос.

- Записка, - сказала я. - Из-под половицы. Почерк твоей невесты. «Дядя вернулся. Он не один.»

Адриан не двинулся. Только на скуле дернулась жилка.

- Кира пишет моему дяде?

- Твоему дяде Мареку Долю, или тому, кто стоит над ним. Записка лежала там, где твой брат прятал самое важное. Значит, они знали про подвал.

Я поднялась на пять ступеней, остановилась на шестой, где доска гнилая, и не сделала ни шага дальше. Я ждала, пока он сам перешагнет через гниль и подаст мне руку, как вчера, но без приказа.

Он перешагнул. Руку не подал.

- Допей отвар, - сказала я, - и выйди через черный ход. Не через дверь. Не при слугах.

Я слышала, как за стеной дома кто-то пьет воду из моего ведра.

Звук глотка был тихий, сытый, мужской. Не слуга. Слуги пьют торопливо, проливая на камень. Этот пил спокойно, держа ведро обеими руками, и я поняла это по тому, как чуть качнулась тень в щели между досками пола.

Я стояла в подсобке с ножом в руке и куском стружки на колене. Ложка под третьим флаконом я починила, но до конца не поверила себе. Ладонь сама потянулась к поясу, нащупала смятый пергамент под фартуком, убедилась, что он на месте. Потом я положила нож и пошла к окну.

Стена дома выходила на узкий проход между моей аптекой и соседним складом трав. По этому проходу раз в неделю возили бочки с дождевой водой, и я сама на прошлой неделе подписала привратнику разрешение проехать до обеда. Кто-то воспользовался моим разрешением, чтобы подойти к черному ходу, выпить воду и уйти. Ведро осталось мокрым. Ручка отпечаталась на запотевшем железе.

Я обошла подсобку, пересчитала флаконы. Тридцать два. Два на верхней полке сдвинуты на полдюйма влево. Пыль на стекле стерта пальцами, не тряпкой. Кто-то трогал именно эти два флакона и больше ничего. Склянка с «Д.» была нетронута, я проверила по царапине на пробке. Трогали другую, с буквой «К.», и каплю Киры Тен, которую я сняла вчера утром во время присяги. Эту склянку забрали со стеллажа, повертели, поставили на место.

Буква «К.». Кто-то искал именно Киру, не Марека. Кто-то проверял, осталась ли ее кровь в моем архиве, и если осталась, можно ли ее купить или подменить.

Я присела на корточки, подняла с пола опилки, посмотрела на свет. Нитка темной ткани, почти черной. Я поднесла к носу. Чужие духи, сладкие, тяжелые, с нотой амбры, которые я узнала бы из тысячи. Эти духи стояли на Кире Тен в то утро, когда она вошла в мою аптеку с аптечной книгой мужа и улыбкой, от которой хотелось вымыть руки.

Я завернула нитку в чистый лист пергамента, запечатала каплей воска. Потом пошла к лестнице в подвал, перешагнула шестую ступень, поднялась наверх. У черного хода стоял Брони, прижимая к себе тряпку и банку с мазью. Рядом с ним, на низкой табуретке, сидел Ольгер и перевязывал воображаемую рану на собственной коленке.

- Брони, - сказала я, - кто подходил к черному ходу?

Он моргнул.

- Никого не видел, мастер Вард. Мы с Ольгером были здесь с обеда.

- А ведро?

- Ведро было полное. Я его наполнял утром.

Значит, человек с чужими духами подошел не со двора. Он вошел через подвал, прошел мимо флаконов, поднялся в подсобку, выпил воду из моего ведра у черного хода и ушел тем же путем, каким пришел. Сквозь гнилую шестую ступень, которую я ему не показала. Но он знал про нее без меня.

Я опустилась на колени перед Ольгером. Мальчишка поднял голову, и я увидела в его глазах ту самую память, которую узнала вчера на руке: страх, спрятанный за упрямой складкой губ.

- Ольгер, - сказала я, - вчера вечером к тебе приходил чужой?

Он не кивнул и не мотнул головой. Он посмотрел на мою седую прядь.

- Дядя, - сказал он. - Большой, в сером. У него пахло амброй.

Амбра. Кира. Они приходили вдвоем или она передала ему свои духи как опознавательный знак. Дядя и его невеста обыскивали мой подвал, пока я сидела наверху, подписывая пергамент с Адрианом и думая, что контролирую собственный дом.

Я встала. Колени хрустнули.

- Брони, уведи Ольгера к нотариусу Нору. Передай записку от меня, - я вытащила из-под фартука второй чистый пергамент, нацарапала три строки: «Дядя мужа ночью был в подвале аптеки. Трогал флакон с буквой «К.». Ольгер опознал его по запаху амбры. Записку прошу зарегистрировать в реестре ночных происшествий». - Подпись поставь свою, Ольгер пусть поставит отпечаток пальца. Пусть нотариус заверит, что мальчик не сирота при живом дяде.

Брони взял пергамент двумя руками, посмотрел на меня круглыми глазами.

- Мастер Вард, если дядя узнает...

- Он уже знает. Он трогал мои флаконы. Теперь моя очередь трогать его имя.

Брони увел Ольгера. Я осталась одна у черного хода. На стене висело мое старое ведро, мокрое, с отпечатком чужой ладони на железе. Я взяла его, вылила остатки воды на каменный порог, поставила обратно. Вода из моего колодца, с моей каплей соли, которую я кладу каждое утро по привычке мужа. Кто-то из чужих пил эту воду и оставил на железе свой след.

Я подняла руку к лицу. На пальцах остался запах амбры. Я знала, что теперь этот запах будет приходить ко мне ночью, и что каждая следующая капля в моем архиве обойдется мне еще одним месяцем жизни. Но записка уже у нотариуса, отпечаток пальца двенадцатилетнего племянника заверен, и в реестре ночных происшествий появилась первая бумага, где я не вдова без имени, а аптекарь, у которого побывал чужой и оставил улику.

Я вымыла руки холодной водой, вытерла о фартук и пошла варить отвар от чужого запаха. К обеду должна была сидеть за стойкой как ни в чем не бывало. Кто-то из чужих пил воду в моей аптеке. Пусть теперь пьет мой отвар, если посмеет зайти снова.

Запах амбры я снимала с рук три раза. Сначала холодной водой из ведра, в котором уже побывал чужой, потом отваром полыни, который кипятила на задней плите, и наконец собственным дыханием, когда поняла, что духи впитались под кожу и до утра не выйдут. К обеду я должна была сидеть за стойкой чистой. Не ради Адриана, ради своих ребят: если ученик чувствует, что мастер пахнет чужой женщиной, он перестает верить, что дом его.

Брони с Ольгером вернулись к третьему колоколу. Мальчишка вошел первым, отдал мне заверенный пергамент с отпечатком детского пальца и синим кружком нотариальной печати, посмотрел на мои руки и нахмурился.

- Мастер Вард, от вас пахнет.

- Знаю. Иди к Тисе, она накормит тебя кашей.

Ольгер ушел, не оглядываясь. Брони задержался, переминаясь с ноги на ногу у двери в подсобку.

- Мастер Вард, нотариус сказал... Сказал, что записка принята, но дядя тоже может принести свою. Против вашей. Слово против слова.

- Поэтому я и послала тебя, а не пошла сама. Если принесу я, он скажет, что я обиженная вдова. Если принесешь ты с Ольгером, это два свидетеля, которые ночуют в этом доме.

Брони слотнул, кивнул и ушел к себе. Я осталась одна у плиты, где остывал мой отвар от чужого запаха. Кружка стояла рядом с нетронутой серебряной монетой, которую утром положил Адриан: печать рода Нор, реестровая цена противоядия, ни сантима больше. Я подняла монету, положила в жестяную коробку из-под сухих трав, где хранила мелочь на соль и свечи. Потом вернулась к стойке.

К пятому колоколу дверь открылась без стука.

Я не обернулась. Я узнала его по запаху кожи, по тому, как скрипнула половица у порога, и по молчанию, которое он носил с собой, как чужой плащ. Адриан Нор вошел в мою аптеку, остановился у стойки и положил на нее вторую серебряную монету. Потом третью. Потом четвертую. Ровным рядом, как патроны.

- За вчерашнее, - сказал он. - За чашу свидетеля, за второе имя, за то, что вошел без стука.

Я смотрела на монеты. На каждой был отпечаток печати его рода, тот же самый, что на первой.

- Реестровая цена противоядия одна монета, - сказала я. - Все остальное не реестровое.

- Я знаю.

- Тогда зачем?

- Потому что вчера я пришел к тебе как судья. Сегодня пришел как должник.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на свои руки, и я впервые заметила, что на безымянном пальце у него нет кольца. На том самом пальце, где у Киры Тен висит на цепочке его кольцо. Она носит его под блузкой, я видела утром, когда отбирала книгу. Он снял и не вернул.

- Мне не нужны твои монеты, - сказала я. - Мне нужно, чтобы ты сказал мне правду.

- Какую?

- Где ты был в ночь, когда умер твой брат?

Он поднял голову. В его глазах я впервые увидела не холод ночного судьи, а усталость человека, который много лет нес чужую тайну и забыл, куда ее положить.

- В этом доме, - сказал он. - На кухне. Мы пили его последний отвар против бессонницы.

Я отставила кружку с полынью. У меня задрожали пальцы. Этот отвар я варила ему сама, по его рецепту, потому что он плохо спал после смерти отца. Адриан пил его вместе с братом в ночь, когда тот умер.

- Ты знал, что в отваре был яд?

- Нет.

- Ты знал, что дядя приехал в город?

- Нет.

- Ты знал, что Кира носит твое кольцо?

- Да.

Последнее слово упало между нами, как монета на камень. Я молчала. Он молчал. Потом он протянул руку через стойку и накрыл мою ладонь своей. Не сжал. Просто накрыл, и я почувствовала, какая у него холодная кожа. Кожа человека, который только что признался в трех вещах сразу.

Я не убрала руку. Я смотрела на его пальцы поверх своих, и у меня внутри что-то сдвинулось, как сдвигается стрелка компаса, когда мимо проезжает чужая карета. Не в его сторону. Просто в другую сторону от того места, где я стояла вчера.

- Убери монеты, - сказала я. - Убери руку. И приходи завтра варить отвар вместе. Я покажу тебе, как правильно класть полынь. Тогда, может быть, я перестану чувствовать на своей коже амбру.

Он убрал руку. Убрал монеты. Вышел через черный ход, как я просила утром. На пороге он обернулся.

- Селена.

Я не ответила. Он не повторил. Дверь закрылась, и я осталась одна в аптеке, которая пахла полынью, чужими духами и собственной глупостью, потому что я только что пригласила ночного судью варить зелье на моей кухне, и это было либо началом чего-то нового, либо концом моего одиночества. Я вымыла стойку, пересчитала флаконы в подсобке, поставила новую печать на дверь подвала и впервые за долгое время подумала, что, может быть, мне не придется варить правду одной.

К пятому колоколу дверь снова открылась без стука, и на этот раз я не дала себе отвернуться. Я смотрела, как Кира Тен переступает порог моей аптеки в чужих духах и в платье цвета утреннего льда, под которым угадывалась цепочка с его кольцом. Утром она уже стояла у моей плиты и трогала мою книгу, теперь пришла за моим столом. Я положила тряпку, которой протирала стойку, и не двинулась с места.

- Мастер Вард, - сказала она тем своим тоном, в котором забота идет впереди правды. - Я пришла узнать, как Ольгер.

- Ольгер спит. Ученик дежурит у двери.

- Я слышала, вы вылечили ему руку. Позвольте отблагодарить.

Она поставила на стойку маленький бархатный футляр. Я не взяла его. Я смотрела, как свет от масляной лампы скользит по ее пальцам, по кольцу на цепочке, по тому, как она машинально поправляет его под блузкой, думая, что я не вижу. Я видела.

- Благодарите серебром по реестру, - сказала я. - У аптеки есть цена за сонный яд, одна монета. На стойке лежала монета с печатью рода Нор. Можете заменить.

- Я не о монете, - она наклонилась ближе, и от нее пахло амброй, которая не отпускала меня с утра. - Я о вашем долге. О том, что вы платите нотариусу за две витрины и за подвал, где теперь стоит архив. Корона ночи может сократить ваш сбор вдвое, если вы перейдете в дневной цех. Я говорила с гильдией аптекарей. Они ждут вас завтра к полудню.

- В дневной цех, - повторила я. - С архивом и ночной торговлей.

- Без архива, - тихо поправила она. - Архив передается короне ночи. Гильдия не держит чужих склянок.

Я промолчала. Я смотрела на нее, и у меня внутри стало холодно от простоты этой сделки. Архив за половину сбора, моя работа за тишину, мой дом за чужую подпись. Она стояла передо мной и не моргала, а я думала о том, что эта женщина только что при мне поправила кольцо моего покойного мужа на груди и предложила мне продать его кровь.

- Передайте гильдии, - сказала я, - что я варю зелья ночью и продаю их ночью. Дневной цех пусть ищет себе другую вдову.

Кира впервые дрогнула. Не лицом, пальцами: они на мгновение сжали бархат футляра, как сжимают чужую руку, когда хотят уйти и не могут.

- Вы не понимаете, что теряете.

- Я понимаю. А вы передайте Адриану, что если он зайдет сегодня снова без стука, я закрою подвал его же печатью и оставлю архив гнить.

Она ушла, и духи остались в воздухе, и я открыла окно, и ветер с улицы принес запах мокрого камня и поздней сирени. Я закрыла окно, потому что от сирени меня мутило сильнее, чем от амбры.

К шестому колоколу я поднялась в подсобку и пересчитала флаконы. Тридцать два, из них вскрыт один. На второй склянке, помеченной буквой «Д.», я остановила палец и не тронула печать. Открыть имя - значит заплатить еще один месяц жизни, а у меня уже седая прядь над левым ухом и слабость в ногах. Я поставила склянку на место, сняла с верхней полки жестяную коробку из-под сухих трав, достала из-под половицы в подвале записку, которую

прятала утром, и положила ее обратно, но уже в другое место: между страницами долговой книги, туда, где раньше стояла строка о его жалованье. Теперь на этой строке был прочерк, который я не стала стирать. Записка «Дядя вернулся. Он не один» лежала под прочерком, и я знала, что найду ее там завтра утром, потому что дядя не станет ждать.

К седьмому колоколу в дверь постучали. Три раза, ровно, сухо. Я открыла. На пороге стоял Марек Доль собственной персоной, в казначейской мантии, с реестром под мышкой и с лицом человека, который пришел не торговаться.

- Мастер Вард, - сказал он. - Я пришел за долгом вашего покойного мужа. Шестнадцать серебряных, которые оплатил сегодня судья Нор, были пеней. Основной долг составляет сорок. Я готов принять половину сейчас, вторую послезавтра, и закрыть жалобу в корону ночи. За вашу аптеку.

Он смотрел на меня, и я видела, как он не смотрит на вторую склянку в подсобке, и не смотрит на мои руки, и не смотрит на мою седую прядь. Он смотрел на стойку, на которой лежала монета с печатью рода Нор, и я поняла, что он уже знает, что утром эту монету положил Адриан, а не Кира.

Я стояла за стойкой и слушала, как за закрытой дверью переступает с ноги на ногу Марек Доль, словно пересчитывает шаги до моего порога. Потом шаги стихли, и я выдохнула, и у меня задрожали пальцы, которые час назад держали его реестр ровно. Я заперла дверь на тяжелый засов, потом на цепочку, потом подперла спинкой стула, потому что в этом квартале одного засова мало. Седая прядь у виска лезла в глаза, и я заправила ее за ухо, и почувствовала, как волосы стали жестче, словно в них намешали пепла.

Брони сидел на табурете у окна и делал вид, что чистит склянки. Он чистил одну и ту же уже десять минут. Руки у него подрагивали.

— Мастер, — сказал он наконец. — Дядя вашего мужа. Он в городе. Его видели у нотариуса.

— Знаю.

— Он приходил к черному ходу, когда вы были в подвале. Спрашивал Ольгера.

Я подняла голову.

— Кто его впустил?

— Никто. Лена Сойк крикнула ему через дверь, что мальчик спит. Он ушел. Но он оставил вот это.

Брони положил на стойку грязную тряпицу, в которую был замотан маленький медный знак с оттиском дневного дома. Такой носят приказчики иностранных родов, когда привозят товар через границу. Я развернула тряпицу, и знак упал на стойку с глухим стуком, и в тишине аптеки этот стук прозвучал как печать.

Я взяла знак и поднесла к лампе. На обратной стороне было выбито имя. Не дяди. Чужое имя, дневное, которое я не знала. Рядом стояла цифра: двадцать восемь.

— Двадцать восемь чего? — спросила я вслух.

— Флаконов, — тихо сказал Брони. — В подсобке тридцать два. Если считать, что четыре уже пусты или подменены, остается двадцать восемь, которые можно купить.

Он смотрел на меня круглыми глазами, и я поняла, что он считать умеет, и что сегодня днем, пока я варила отвар и спорила с Кирой, он считал флаконы вместе со мной и запомнил.

Я сняла с шеи ключ на шнурке, открыла подсобку и пересчитала склянки сама. Тридцать два. Четыре стояли пустые, на трех были чужие печати, одна — моя собственная, с именем Йонаса. Остальные двадцать семь были запечатаны личной печатью мужа. Я тронула вторую, с буквой «Д.», и отдернула палец. Цена за имя была мне не по карману, но знать, сколько их можно купить, было важнее.

Я положила медный знак в жестяную коробку из-под сухих трав, рядом с монетой Адриана и запиской «Дядя вернулся. Он не один». Три предмета на дне коробки: серебро, бумага и

чужой отпечаток. Я закрыла коробку и поставила ее на верхнюю полку, за склянки, где ее нельзя достать случайно.

Потом я спустилась в подвал и при свете фонаря осмотрела пол. Гнилая половица была на месте. Но рядом, у стены, где стоял кувшин с родниковой водой, я увидела мокрый след. Не лужа. Просто темное пятно на камне, уже почти высохшее, круглое, размером с доньшко стакана. Кто-то пил воду из моего кувшина и поставил его не на место.

Я наклонилась и понюхала пятно. Пахло не водой. Пахло полынью и чем-то горьким, дневным, чужим. Яд. Слабый, разведенный, но я узнала его, потому что три зимы варила противоядие от него для ночной стражи. Сонный яд, тот самый, которым отравили Ольгера. Кто-то пил его в моем подвале, в моем доме, у моего кувшина, и оставил след, и думал, что я не приду сюда до утра.

Я выпрямилась и почувствовала, как у меня свело икры. Седая прядь кольнула висок. Я оперлась о стеллаж и стояла так, пока дыхание не выровнялось. Потом поднялась наверх, заперла подвал на ключ и положила ключ обратно на шею.

Брони все еще сидел на табурете.

— Брони, — сказала я. — Сейчас ты пойдешь к нотариусу Нору. Возьмешь реестр, в который записаны тридцать капель отвара для Ольгера, и монету с печатью рода. Отдашь монету нотариусу и скажешь, что это первая оплата по реестру. Если спросит, кто платит, скажешь: судья Нор, лично, по долгу следствия. Если спросит, зачем, скажешь: противоядие от сонного яда, примененное к ребенку. И запомни: ты не знаешь, кто оставил знак у черного хода. Ты ничего не видел.

Он кивнул, побелел, но встал.

— А вы?

— Я буду ждать дядю. Иди.

Он ушел. Я осталась одна в аптеке, запертой на три засова, с медным знаком на верхней полке, с мокрым пятном в подвале и с двадцатью семью нескрытыми склянками, которые теперь знали цену. Убийца моего мужа был в моем доме сегодня ночью, пил отравленную воду и думал, что уйдет незамеченным. Он ошибся. Теперь его след был у меня в подвале, его знак у меня на полке, и впервые за долгое время я знала, что завтра утром мне есть кому предъявить это, кроме мертвого мужа и его брата, который спит через стену и которому я еще не решила, показывать ли эту находку.

Я подняла монету со стойки, положила в жестяную коробку из-под сухих трав и сказала:

- Двадцать серебряных я внесу завтра. Двадцать - послезавтра. Жалобу заберите сегодня, иначе послезавтра я вскрою вторую склянку при нотариусе и Тисе, и в реестре короны ночи появится ваше имя, Марек Доль. Идите.

Он ушел. Я закрыла дверь на ключ, прижалась к ней спиной и впервые за этот день почувствовала, что пол под ногами твердый, а стены мои. Утром кто-то чужой пил воду в моем подвале и оставил на железе свой след. Днем мне предлагали продать архив и войти в чужой цех. Вечером пришел казначей за долгом, который оплатил судья. К ночи дядя будет в городе, а я буду стоять за стойкой с одной серебряной монетой и тридцатью одной нескрытой склянкой, и убийца моего мужа будет пить воду в моей собственной аптеке, и я это знаю, и впервые у меня есть доказательство, которое я могу положить в долговую книгу под прочерк с его именем.

Глава 6. Долг в книге

В подсобке пахло росным лавром и холодной глиной. Я сидела на табурете, прижав коленом медный ключ от подвала, и переписывала долговую книгу на чистый лист. Чернила стыли на пере, пальцы ныли, но это была моя работа, единственная, которую никто не мог отобрать вместе с домом.

Адриан Нор вошел без стука. Я услышала его раньше, чем увидела, по запаху чужих духов сладких и чужих, таких, какие не носил мой муж.

Я не обернулась. Я вывела ровным почерком итог по серебру за неделю, поставила точку и только тогда подняла голову.

Он стоял у дверного косяка. Без перчаток. На безымянном пальце не было кольца, но на цепочке под воротом висело тонкое серебряное кольцо. Я узнала гравировку. Это было кольцо моего мужа.

Я медленно положила перо. Я знала, что спрошу, и знала, что не имею права, но спросила. Чье это кольцо.

Он ответил спокойно, глядя мне в переносицу, а не в глаза, как смотрят тем, от кого скрывают главное.

Кира Тен, моя невеста. Она носит его по праву помолвки. Объявление было вчера в короне ночи. Я должен был сообщить тебе первым.

В подсобке стало тихо. Я слышала, как за стеной Брони перебирает склянки, как в трубе ночного квартала стонет ветер. Я чувствовала запах его кожи поверх чужих духов, и этот запах был мне знаком, потому что так же пах мой муж, когда возвращался из суда. Тело помнило.

Я встала. Табурет скрипнул.

Я не выйду за тебя, сказала я. Ни за долг, ни за печать, ни за спасение архива. Вот моя цена. Ты вернешь мне кольцо мужа, или я сама заберу его у твоей невесты.

Он не двинулся. Он смотрел на меня так, как смотрел в подвале на вторую склянку, помеченную буквой Д, с тем холодным расчетом, за которым я научилась видеть страх.

Это не в моей власти, ответил он. Кольцо отдано ей по реестру наследников. Я не могу забрать подарок рода у невесты без обвинения в нарушении клятвы.

Тогда мы не договоримся, сказала я. Я отступила на шаг. Я не выйду за тебя, пока она носит его имя.

Он шагнул ко мне. Не к двери, ко мне. Я почувствовала его дыхание на виске, там, где утром нашла седую прядь.

Ты ревнуешь, сказал он тихо. Не меня. Его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.